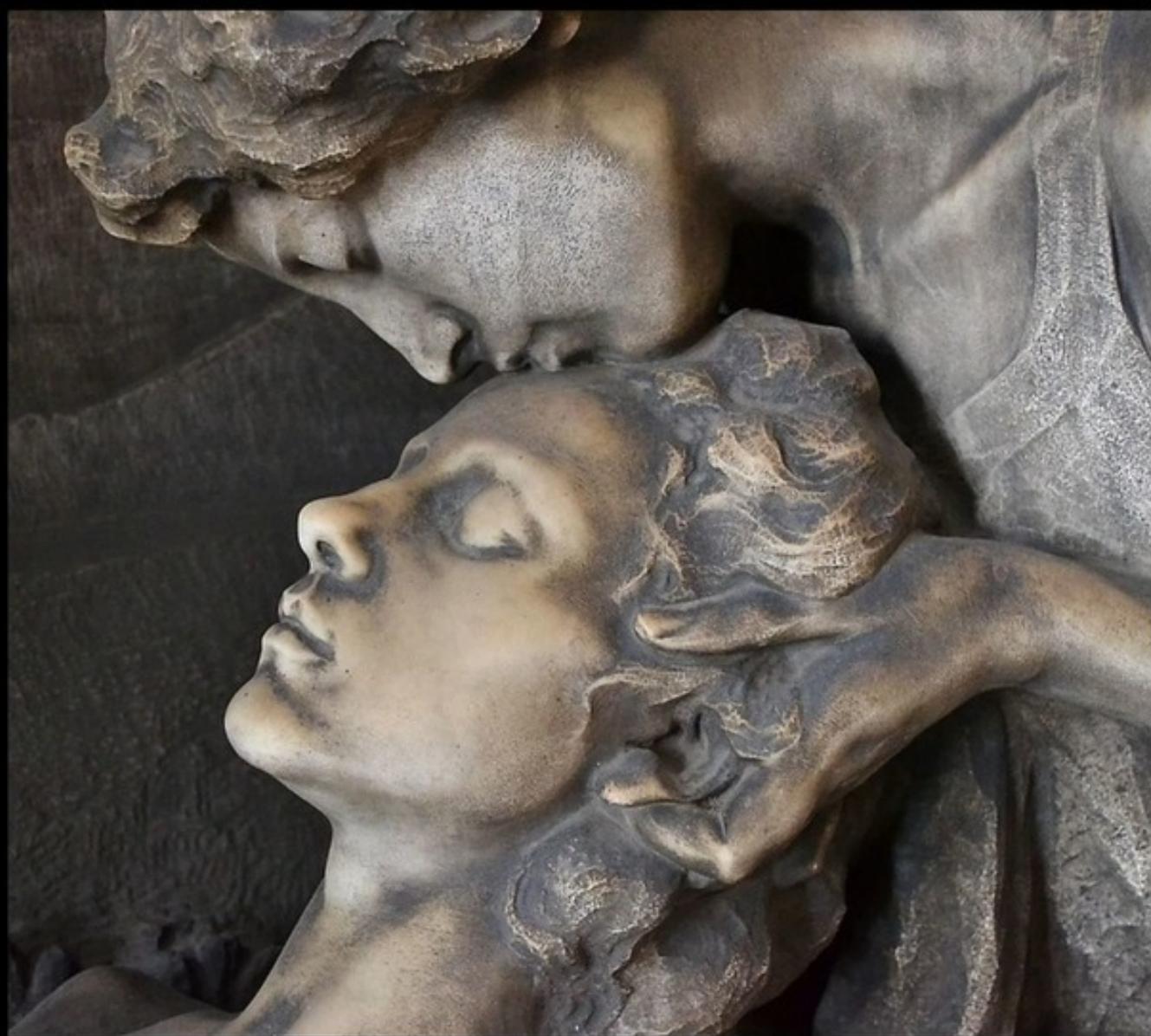

Натали Бизанс
Возвращение

Сага «Исповедь». Книга пятая

Натали Бизанс

**Возвращение. Сага
«Исповедь». Книга пятая**

«Издательские решения»

Бизанс Н.

Возвращение. Сага «Исповедь». Книга пятая / Н. Бизанс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932534-1

Сага «Исповедь» о перевоплощении душ, переплетении судеб и кармических связей, переносит нас в разные эпохи и исторические события, не теряя общей линии сюжета. Пятая книга повествует о жизни Эдуарда Боссе, католического священника, жившего во второй половине 19-го века во Франции. О его духовном становлении, поиске истины, о вечной любви, над которой не властны никакие преграды и даже смерть.

ISBN 978-5-44-932534-1

© Бизанс Н.
© Издательские решения

Содержание

Возвращение	6
Часть 1. Глава 1	6
Часть 1. Глава 2	9
Часть 1. Глава 3	11
Часть 1. Глава 4	13
Часть 1. Глава 5	15
Часть 1. Глава 6	18
Часть 1. Глава 7	21
Часть 1. Глава 8	23
Часть 1. Глава 9	25
Часть 2. Глава 1	28
Часть 2. Глава 2	30
Часть 2. Глава 3	32
Часть 2. Глава 4	34
Часть 2. Глава 5	36
Часть 2. Глава 6	38
Часть 2. Глава 7	40
Часть 2. Глава 8	43
Часть 2. Глава 9	45
Часть 2. Глава 10	47
Часть 2. Глава 11	49
Часть 2. Глава 12	52
Часть 3. Глава 1	54
Часть 3. Глава 2	57
Часть 3. Глава 3	59
Часть 3. Глава 4	62
Часть 3. Глава 5	65
Часть 3. Глава 6	67
Часть 3. Глава 7	69
Часть 3. Глава 8	71
Часть 3. Глава 9	73
Часть 3. Глава 10	75
Часть 3. Глава 11	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Возвращение Сага «Исповедь». Книга пятая

Натали Бизанс

© Натали Бизанс, 2018

ISBN 978-5-4493-2534-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Возвращение

Часть 1. Глава 1

Начну это повествование с истоков своего человеческого существования – детства. Помню себя лет с шести, до этого – только обрывочные воспоминания. Именно этот период, как мне кажется, определяет будущий путь взросления и становления человека.

Позвольте представиться: Жан-Эдуард Боссе. Уроженец города Гатьер, Приморские Альпы, Прованс. Богу было угодно, чтобы я появился на свет седьмого декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвёртого года, в небольшом провинциальном городке, где все жители знакомы друг с другом. Сколько себя помню, родители жили очень скромно, если не сказать бедно, в постоянной борьбе за наше существование. Отец работал на своего двоюродного брата Франсуа, который купался в богатстве, но был жаден и скуп даже к своим родным. Хоть он и считался моим крёстным, ни любви, ни внимания от него я никогда не получал. Более того, с детства недолюбливал этого господина, считая, что это он разлучает нас с отцом.

Видели мы главу семейства только по выходным и в праздники. Папа возвращался из Ниццы на несколько дней, чтобы снова уехать на всю неделю, а заработанных им денег с трудом хватало на то, чтобы прокормиться. Мать подрабатывала в гостинице: стирала и отглаживала постельное бельё. Она перешивала и чинила одежду всей семье и соседям, когда те платили. Работала она от рассвета до заката и была вечно уставшей, несдержанной с нами. Две из трёх моих старших сестёр Жанна и Габриель помогали матери по хозяйству и работе, а Николь – младшая присматривала за мной.

Самое счастливое воспоминание той поры – моя крестная Мерлен. Она была акушеркой и приняла на свет множество детишек, в том числе и меня. Это было её призванием, Божьим даром. Хотя образование у неё всего несколько классов церковно-приходской школы, зато «руки золотые», как часто говорила моя мать. Акушерскому делу Мерлен обучила родная бабушка, у них эти знания и умения передавались из поколения в поколение. Так что, те, кто не мог себе позволить оплатить роды в больнице, обращались к ней. В нашем городе Мерлен все уважали. Но в личной жизни этой молодой женщине почему-то не повезло. Замуж она так и не вышла, несмотря на то, что была миловидна лицом, стройна фигурой и имела ангельский характер. Конечно, я не думал об этом тогда, но осознаю теперь, что вся любовь Мерлен была направлена на меня. Она заботилась обо мне, дарила нежность и душевное тепло, такие необходимые каждому ребёнку. Это стало прочным фундаментом моей веры и основой моей духовности.

– Эдуард, мальчик мой, ты не ушибся? – крестная смахнула с моих коленок песок. – Небольшая ссадина. Подожди, сейчас мы её залечим!

Она сорвала какой-то листок, помяла его в руках и соком растения обработала мне ранку.

– Удивительный ребёнок, даже не заплакал!..

Мерлен подула на ушиб, а я засмотрелся, какой золотистый отлив у неё на волосах, когда солнечные лучи попадают под шляпку.

– Тебе, правда, не больно?

– Нет! Я уже большой, могу и потерпеть. Мужчина должен быть сильным!

– Смотри под ножки, хорошо? Нам ещё через весь город идти.

Мерлен жила на другом конце города, в небольшом старинном доме, принадлежащем испокон веков её семье. Погода стояла солнечная и ветреная, что спасало от полуденного зноя.

Обычно после обеда сестра заставляла меня спать, но в этот чудесный день моя любимая Мерлен пришла за мной, чтобы забрать к себе в гости, и спасла от горькой участи.

Моя добрая прекрасная крёстная, словно настоящая фея, умела творить чудеса и превращать каждый день в маленький праздник. Вот и в этот раз мы не прошли мимо заветной кондитерской лавки.

– Добрый день, мсьё Жак!

– Добрый, мадемуазель Берже! Как поживаете? Смотрю, Ваш крестник ещё больше подрос и стал совсем шоколадного цвета!

– Спасибо, хорошо. Вы правы, Эдуард подрос, – Мерлен ласково погладила меня по голове, – и много времени проводит на улице, когда же, как не летом, гулять? Такая прекрасная стоит погода!

– Это, да! Что-нибудь желаете?

– Выбирай, солнышко, чего ты хочешь?

У меня разбежались глаза от обилия кондитерских деликатесов, но в этот раз моё внимание приковал к себе шоколадный крем, обильно наполнявший пирожное с яркой вишенкой наверху, на него я и указал пальцем.

Родители мои никогда не могли позволить нам такую роскошь, Мерлен это хорошо знала, потому баловала меня каждый раз, когда мы направлялись к ней домой, а на обратном пути, по обыкновению, покупала леденцы не только для меня, но и для моих сестёр.

Мсьё Жак погрузил приглянувшееся мне сладкое сокровище в красивую коробочку.

– Ещё что-нибудь желаете?

– Нет, благодарю Вас!

Крёстная заплатила, и мы отправились в путь. Я уже предвкушал, какая вкуснятина ожидает меня совсем скоро.

– Спасибо, крёстная! – я крепко сжал её ладонь, она вела меня за руку.

– На здоровье, малыш! – Мерлен потрепала меня по волосам. – Но сладкое только после еды, хорошо?!

Послушно кивнув в ответ, я посмотрел на солнце. Оно ещё находилось на самом верху, а это означало, что у нас есть достаточно много времени, чтобы побыть у Мерлен, ведь когда солнышко начнёт спускаться, она меня снова отведёт домой... Тяжелый вздох вырвался у меня при одной мысли об этом.

– Ты не устал, мой хороший? – она заботливо посмотрела на меня и улыбнулась.

– Совсем не устал, крёстная, я же уже большой! А с тобой готов идти хоть на ту гору!

Мерлен засмеялась.

– И что мы будем делать на той горе?

– Смотреть на закат! Папа сказал, что за нею море... Я ещё никогда его не видел.

– Обещаю тебе, как только ты немножечко подрастёшь, мы с тобой обязательно поедem к морю!

– Только ты и я?!

– Ну, конечно! Кто же нам ещё нужен?

– Ура! И мы посмотрим, где работает мой папа?

– Если ты захочешь, мы сможем его навестить!

Моя добрая, добрая крёстная, сколько нежности и тепла хранилось в твоей незабвенной душе... Даже теперь, вспоминая о тебе, моё сердце наполняется любовью и безмерной горечью потери, которую невозможно восполнить или исцелить, но об этом несколько позже.

В тот день, так ярко запечатлевшийся в моей памяти, не было места для печали. Мерлен окружала меня вниманием и материнской заботой, которой я не получал от собственной матери. Нам просто было весело и хорошо вдвоём. Мы вместе пообедали, после чего я получил своё долгожданное пирожное, но отказался его есть, если крёстная мне не поможет. Вишенку,

которая так привлекла моё детское внимание, я отдал ей. Мерлен сопротивлялась, но не устояла перед непосредственной детской настойчивостью.

– Хорошо, я съем её за твоё здоровье, но при одном условии, что ты не станешь сегодня плакать, когда мы будем прощаться. Обещаешь мне, Эдуард?

Я согласился и вечером мужественно сдержал своё слово, когда она уходила, но только до той поры, пока не закрылась дверь. Каждое прощание с крёстной было для меня мукой, а ожидание новой встречи – вечностью.

Помню, в тот день во дворе её дома мы ещё долго играли в петанк. Нужно заметить, что для своего возраста я неплохо кидал шары и иногда даже выигрывал. Думаю, что Мерлен делала всё ради того, чтобы меня порадовать и специально поддавалась мне.

А потом мы сидели на кухне и пили сладкий морс из клубничного варенья с печеньем, которое Мерлен пекла лучше всех на свете, и моему детскому счастью не было конца.

Часть 1. Глава 2

Ещё одно воспоминание из той поры... Как сейчас вижу эту картину. Я сидел во дворе и складывал из камешков не просто замок или домик, а храм, в котором мои сказочные героини-эльфы будут молиться.

Помню, как был увлечён этим творческим порывом, у меня был даже самодельный раствор, который я замесил из мокрой после дождя глины, добавив в неё немного песка. Работа кипела, уже были возведены четыре стены, не совсем ровные, но всё же я очень старался.

Для витражных окон я подобрал на улице осколки разноцветных стёкол, а вместо двери -небольшой кусок деревянной доски, как прикрепить его, я не знал, поэтому просто вставил в стену и облепил своим нехитрым замесом.

«В конце концов, братья гномы смогут сделать для моих эльфов подземный ход, и тогда дверь им даже и не понадобится», – решил я. Прежде, чем установить крышу, мне необходимо было придумать, как сделать алтарь.

Для этого я незаметно прокрался в дом и вытащил из Библии, которую нам читала по вечерам мама, картинку с изображением Девы Марии. Такие картинки, как правило, раздают на память о крещении или первой коммунии* в Костёле.

Я решил, что для мамы, – это просто картинка, а для моих сказочных друзей – центральная икона алтаря!

«Значит, – подумал я, – не грех пожертвовать ради них закладкой, и, даст Бог, мама не заметит её отсутствия.» Охваченный просто даже какой-то религиозной эйфорией, я установил образ Богородицы и обложил его цветами, собранными тут же во дворе, в основном маргаритками. Очень хотелось сделать всё как можно более красивым и торжественным.

В этот момент меня привлекло пение крохотной птички, сидящей на крыше нашего сарая. Она была небольшая, с яркими чёрными глазками-бусинками, которые внимательно смотрели на меня, словно изучая. Но самым удивительным было то, что её перья были ярко-синего цвета и сияли на солнце так, что у меня перехватило дыхание. Ещё никогда я не видел ничего подобного и, нужно признаться, после тоже не встречал.

Забыв про своё увлекательное занятие, я медленно приблизился к ней. Осторожно, чтобы не спугнуть, я разглядывал это чудо и думал о том, что такая птица обязательно принесёт в наш дом удачу, и обязательно произойдёт что-то необыкновенно хорошее, даже волшебное!

Она, словно прилетела из сказки, где жили мои прекрасные друзья эльфы, их соседи гномы, злые колдуны и прекрасные феи... Птичка мне что-то рассказывала, иногда перебирая лапками, словно пританцовывая в такт своей песне. Мы так увлеклись созерцанием друг друга, что не заметили, как подкралась беда.

Откуда ни возьмись, на крыше оказался соседский кот, я и глазом не успел моргнуть, как моя птичка оказалась в зубах этого хищника. Схватил камень среди тех, что были собраны для строительства моего эльфийского храма, и бросил им в кота. Наверное, это был мой самый меткий бросок в жизни, я попал в цель, и кот, жалобно мяукнув, спрыгнул с крыши, но так и не отпустил своей добычи. Я бросился вслед за ним через колючие кусты ежевики и, ободрав лицо, руки и ноги, всё же успел ухватить разбойника за пушистый рыжий хвост. Кот истошно заорал, выпустив птицу из пасти, и бросился наутёк.

Раненая птичка оказалась в моих руках, у неё было прокушено крыло и повреждена шейка. В пылу агонии она даже пыталась взлететь, но не смогла. Маленькое сердечко бешено колотилось в моей ладони, уже влажной от крови. Ещё никогда в жизни так близко я не переживал чью-то боль и не встречался со смертью. Птичка прожила всего несколько минут, я видел её страдания и плакал навзрыд.

Когда маленькие веки закрылись, и она перестала трепыхаться, мне стало страшно одиноко и холодно, но в то же время я понимал всю торжественность этого момента, его важность и тайный смысл: она перестала страдать, ей больше не больно. Она свободна! Казалось, что я даже слышу, как птичья душа поёт...

Достав из кармана штанов свой чистый носовой платок, я завернул в него пернатую жертву и поместил в свой недостроенный эльфийский храм. Лучшего места для погребения я не смог найти. Перекрестившись, попросил Деву Марию беречь мою бедную птичку, после чего полностью засыпал это сооружение песком и воздвиг самодельную крышу из кусочков ардуаза**. Так святилище стало усыпальницей, а наш двор приобрёл печальную историю.

Когда весь грязный и перепачканный, с расцарапанным лицом, я вернулся домой, то больно получил от сестры хворостиной. До прихода мамы со старшими сёстрами, Николь успела меня отмыть, но царапины было не спрятать, и сестру наказали за то, что она плохо за мной следила.

А вечером мама не обнаружила в Библии своей любимой памятной закладки, оказалось, что она была памятью о дне моего крещения, пришлось во всём признаться, после чего ещё долго горело ухо, выкрученное за то, что взял без спроса чужую вещь и распорядился ею без разрешения.

Вот так закончилась печальная история моего архитектурного творчества, опыт первой встречи со смертью и синей птицей счастья, как её называют люди.

* коммуня – причастие у католиков.

** ардуаз – чёрный шиферный сланец, повсеместно используется в Бретани для покрытия крыш.

Часть 1. Глава 3

– Что же это ты, грязнуля, опять понаделал?! И штаны порвал! Не сидится тебе, бессовестный, на месте! – сестра шлёпнула меня по мягкому месту и отправила умываться. Я в полной мере ощущал свою вину перед ней, потому что попадало за меня прежде всего Николь (рука у мамы куда тяжелее, чем у сестры). Но не могу же я ходить по дорожкам и сидеть на лавочке, как старичок Жерар из соседнего дома, когда вокруг такой удивительный и волшебный мир, полный ещё неразгаданных тайн.

Я ползал и лазал везде, в самых труднопроходимых местах, в поисках подтверждения существования маленького народа Эльфов, которых часто видел во сне, но никак не мог отыскать в реальности. Хитрые маленькие человечки всегда успевали от меня спрятаться, но предчувствие того, что они где-то рядом, уже дарило мне состояние воодушевления, и детская фантазия создавала целые города живущих по соседству с людьми сказочных героев.

– Завтра такой день! А меня опять из-за тебя накажут, – причитала Николь, стирая с лица крупные капли горячих слёз. – Мама только вчера поставила тебе на этих штанах заплату, а ты снова их порвал! Где ты вечно лазаешь, несносный ребёнок!

Это теперь, будучи взрослым, я понимаю, что грозная Николь, сама ещё в ту пору была десятилетней девочкой, которой тоже хотелось поиграть, побегать и заняться своими интересными делами, но, вместо этого, в её обязанности входило: мытьё посуды, приготовление еды (как правило овощей, которые надо было перемыть, сварить и почистить к обеду) и непослушный брат, который умудрялся влезть во всевозможные переделки и никогда не сидел на месте.

– Ну не плачь! Прошу тебя, Николь! Мы не скажем маме, она и не заметит, – я попытался её обнять, чтобы утешить, но Николь оттолкнула меня.

– Как хорошо было, когда ты был маленький, лежал в кроватке, словно куколка, и не делал всяких пакостей!

– Пожалуйста, не плачь! Я завтра пойду в школу и там повзрослею, и тебе будет легче со мной!

– Ну да, потом ещё уроки с тобой делай, задания там всякие!.. За что мне это всё, Господи?! Лучше бы ты вообще не родился!..

Вот эти последние слова глубоко ранили моё детское сердце. Я убежал из дома, спрятался за сараем и долго плакал возле эльфийского храма, который стал усыпальницей моей синей птицы счастья.

Закрывая глаза, я снова видел что-то огненно-красное, но оно не несло мне опасности, а словно защищало меня и жалело, как ласковые руки Мерлен. Всегда думал, что это мой Ангел-Хранитель, и мне почему-то становилось его жаль. Ведь быть Ангелом такого нехорошего мальчика, наверное, очень тяжело. Даже придумал молитву, начиналась она так: «Мой любимый Бог, который всё видит и знает, пожалей моего Ангела за то, что ему достался я. Он ни в чём не виноват. Не наказывай его, пожалуйста! А я постараюсь исправиться и буду послушным. Аминь.»

Всякий раз, когда меня преследовало чувство собственной вины, эта молитва приходила мне на помощь. Во-первых, она освобождала от ответственности, как я считал, моего бедного Ангела, а во-вторых, давала надежду мне, что я не так уж и безнадежен, и, когда-нибудь, обязательно стану хорошим ребёнком.

Единственным человеком, кто не видел во мне недостатков, и никогда не ругал меня, была моя крёстная. Вот и в тот вечер она пришла, чтобы поздравить меня с началом учёбы, её подарки сделали меня самым счастливым на свете, это были карандаши, краски и альбом из белой дорогой бумаги – предел всех моих мечтаний! Весь вечер я её благодарил и целовал, никак не мог нарадоваться подаркам. Когда Мерлен ушла, и мне стало до глубины души

тоскливо, я спрятал мои сокровища, оставив в руке только один графитный карандаш, совсем новенький и так вкусно пахнувший, стал что-то рисовать на старом листе газеты. Занятый своим увлекательным занятием, я «краем уха» услышал, как старшие сёстры перешёптывались между собой, что Мерлен меня балует, и это нехорошо, что никто, кроме неё, из наших знакомых, не может себе позволить делать такие подарки, а всё потому, что поговаривают, у неё богатые покровители, и женщина она не честная, а обычная куртизанка.

Тогда я бросился на них с кулаками и сказал, что они мне просто завидуют, а поэтому не любят Мерлен, за то, что она самая добрая и лучшая на свете, и любит меня больше всех. Я плакал и кричал, пока не пришла мать и не поставила меня в угол за шум и крики, за неуважение к старшим и непослушание. Стоять я должен был на коленях, пока не попрошу прощения у своих сестёр за плохое поведение и истерику.

– Эта женщина на него плохо влияет, мама, – холодным тоном заметила Жанна, старшая из моих сестёр, – она его балует дорогими подарками, а после этого наш братец устраивает нам истерики.

– Это неправда! – сказал я, упёршись в стену лбом. – просто вы мне завидуете, потому что у вас нет таких хороших крёстных!

– Эдуард, замолчи! Сейчас поставлю тебя на горюх стоять, будешь знать тогда, как разговаривать со старшими!

– Мама, они говорили про Мерлен гадости-и-и!

– Не твоего ума дело! – низкий голос матери был полон раздражения, и я понял, что если не замолчу, горюхом всё не обойдётся, а закончится хворостиной.

Пока читали Библию, я всё ещё продолжал стоять в углу, это было больно, больно и несправедливо, а просить прощения я не хотел, потому что они обидели мою Мерлен, самую добрую и прекрасную женщину на свете, мою обожаемую крёстную, ради которой я готов умереть.

– Встань, Эдуард, подойди ко мне! – голос мамы не предвещал ничего приятного. – Мало того, что ты непослушный, гордый и заносчивый ребёнок, ты ещё упрям, как осёл! Извинись перед своими сёстрами, немедленно!

– Не буду! – я отрицательно покачал головой, после чего получил тяжёлую оплеуху и был отправлен в постель без ужина и благословения.

Уткнувшись лицом в подушку, я шептал себе, что как только вырасту, обязательно сбегу отсюда и заберу с собой Мерлен. Мы будем жить с нею где-нибудь на берегу моря, а все эти люди ещё пожалеют, что так обижали нас, потому что Бог всё видит и всё знает. Он не допустит несправедливости!

С высоты прожитых лет, я часто думаю, в чём же таился корень неприязни между мной и родными? Из всей нашей семьи ко мне неплохо относился только отец, но он так редко и недолго бывал дома, что считался почти что гостем. С годами отношения между родителями окончательно испортились, и папа стал появляться ещё реже: раз в месяц привозил деньги, чтобы мы не умерли с голоду...

Часть 1. Глава 4

– Крёстная, а почему ты не замужем?

Мерлен даже остановилась, посмотрела на меня серьёзно и ответила:

– Почему ты спрашиваешь об этом?

– Нет, ты не думай, я не верю тем плохим людям, которые оговаривают тебя. Просто ты самая красивая на свете, неужели мужчины не видят этого?! Если бы я был большим, то сразу же женился бы на тебе и никому не отдал.

Она обняла меня и крепко прижала к сердцу.

– Знаю, мой маленький рыцарь, ты бы именно так и сделал!

– Так ты и не ответила...

– Что тебе сказать, Эдуард? Как-то не сложилось... – она поправила шляпку, и ветер заиграл её шёлковым шарфом. – И потом, зачем мне какой-то ещё мужчина, когда у меня есть ты! Вот подумай, появился бы здесь чужой дядя, смогли бы мы с тобой вот так откровенно поговорить?

– Нет!

– Вот и я так думаю.

Подол её платья чуть касался земли, создавая еле слышное шуршание, мамкины платья никогда не шуршали и не касались пола, может быть, поэтому я так любил этот тихий звук, потому что он исходил от крёстной?!

– Почему я у тебя не родился?

– Откуда такая печаль в голосе? – она вновь остановилась и заглянула мне в глаза.

– Меня никто не любит так, как ты.

– Тебя опять обижали?

– Вчера я весь вечер отстоял на горохе...

– Бедный мой, – Мерлен приподняла мои короткие штанишки и потёрла колени, словно я только что встал с гороха, – и за что, позвольте узнать?

– Ну, во-первых, я опять порвал штаны и рубашку, а во-вторых, не намерен мириться со сплетницами, которые тебя обижают и, уж тем более, просить у них прощения.

– Просить прощения – это всегда хорошо, – Мерлен задумалась.

– Они просто завидуют, потому что ты очень добрая и лучше их всех!

– Может быть, но не будем о грустном! Расскажи, как прошёл твой первый день в школе?

Тебе понравилось?

– Было трудно сидеть на одном месте так долго...

Крёстная засмеялась.

– Теперь привыкай, мой милый!

Мы как раз подошли к кафе, в котором продавали всякие вкусности. Мерлен отворила дверь, та открылась вместе со звоном колокольчика.

– Добрый день, мсьё Конан, нам, пожалуйста, две порции горячего шоколада, кружечку кофе и яблочный сок.

Мужчина с большими усами, закрученными в уголках, слащаво улыбнулся, облизнув пухлые губы, от чего мне стало неприятно, словно он смотрел не на крёстную, а на безе. Мы сели за столик на веранде, там было свежо, и ветерок не давал солнечным лучам окончательно нас изжарить.

– Спасибо! – я прижался к её обнажённому предплечью, чуть выше длинной перчатки лицом.

– Ты мой родной! – Мерлен поцеловала меня в лоб, легонько потрепав кудри на голове.

– Не хочу с тобой расставаться. Никогда!

– Я тоже, малыш, тебя очень люблю. Но если ты и дальше будешь себя так вести, твоя мама вовсе запретит нам видеться!

– Тогда я убегу из дома, и мы с тобой уедем далеко-далеко отсюда, а потом, когда я вырасту, обязательно поженимся!

– Воробушек ты мой, так у нас никогда не получится. Ты знаешь, лучше хорошо учись, не шали, слушайся сестёр, и тогда мы будем вместе хоть каждый день! Я могу встречать тебя из школы и провожать домой, вот, как сегодня...

– И мы будем каждый раз заходить сюда?!

– Ну конечно! Если ты очень постараться и будешь послушным мальчиком!

– Крёстная, я тебе обещаю!

В этот момент к нам подошёл мсьё Конан с подносом, на котором стояли блестящие вазочки с ещё дымящимся шоколадом, посыпанным орешками, горячий кофе для Мерлен и свежесжатый сок для меня.

Мерлен сразу же рассчиталась, дав хозяину чаевые, от которых он стал ещё более сладким. Поправив свои и без того закрученные кверху усы, он поцеловал её ручку в перчатке и удалился.

– Неприятный человек, – не сдержался я.

– Почему ты так говоришь, разве он не был с нами любезен?

– Он смотрит на тебя, крёстная, как на сладкое пирожное, от этого мне не по себе.

Мерлен засмеялась от души.

– Да ты маленький ревнивец, Эдуард! – тихо прошептала она мне на ушко, – а потом ты ещё спрашиваешь, почему я не замужем? Как же я могу выйти замуж, когда рядом со мной такой кавалер! – и вновь её тихий смех сделал меня счастливым.

Но всё хорошее быстро кончается. Дома опять пахло варёной капустой, которую я не мог терпеть, к счастью (после того, как меня вырвало из-за неё) мама больше не заставляла есть эту гадость.

– Положи сумку, и иди мой руки, Эдуард!

Я так и сделал.

– Садись за стол.

– Мамочка, я не буду есть, спасибо!

– Ничего не хочу слушать, не хочешь, не ешь, несносный мальчишка, но сядешь за стол, как все!

Я со вздохом сел на своё место, памятуя о чём только недавно просила меня крёстная.

«Как они могут это есть?» – тошнотворный позыв появлялся в моём животе от одного вида этого блюда. Сёстры ели молча, напоминая мне розовых поросят, похоже чавкающих при кормёжке.

– Не стучи по табуретке, раздражает!

Лёгкий подзатыльник был у нас в семье обычным делом, я послушался и перестал болтать ногами. Мне нужно быть очень послушным, чтобы завтра снова увидеть мою обожаемую крёстную...

Каково же было моё горе, когда она не пришла ни на следующий день, ни после. Целых две недели я не видел её. Вся жизнь превратилась в один сплошной серый день ожидания. Я старался изо всех сил, пытаюсь заслужить обещанную мне награду. Даже научился чисто мыть посуду и вытирать так же тщательно, как это делает Николь. Я смиренно сидел на уроках, с замиранием сердца ожидая, когда увижу её, почувствую любимый запах лаванды, который всегда исходил от Мерлен... Но она так и не появлялась.

Часть 1. Глава 5

Она появилась, когда я лежал в кровати с высокой температурой. Меня пичкали горькой микстурой и заставляли пить рыбий жир. Мерлен пришла, и всё в доме преобразилось. Даже трещинки на потолке стали казаться кружевными узорами. Паутина возле старых гардин затрепетала в солнечных лучах. И сердце запело.

– Мальчик мой, что же ты заболел?! – тёплая нежная ручка Мерлен прикоснулась к моему пылающему лбу. – Посмотри, что я тебе привезла!

Она раскрыла небольшую коробочку, из которой появился маленький клоун и заиграла весёлая музыка.

– Прости, что я тебя не предупредила, так получилось, мне пришлось срочно уехать. А потом меня долго не отпускали домой. Умер мой старенький дядя, а тётушка, его жена, так нуждалась в утешении, что я не могла оставить её одну. Ты простишь меня? Тебе нравится шкатулка?

– Красивая игрушка, но для меня самое главное, чтобы ты была рядом!

– Обещаю, я никогда не забуду об этом! – она промокнула белый платочек в воде с уксусом и положила мне на лоб. Сейчас я сбегая за хорошим доктором и сразу вернусь к тебе.

Я крепко держал крёстную за руку, не желая её отпустить ни на мгновение.

– Такое чувство, что мальчишка жить без тебя не может, Мерлен, – проявила недовольство мать. – Смотри, разбалуешь мне сорванца! Жизнь – не мёд, пусть привыкает к трудностям.

– Позвольте мне привести врача, Розалия, у Эдуарда высокая температура.

– К нему вчера аптекарь приходил, я и так заплатила за лекарства, как за две курицы!

Врачи нам точно не по карману, дорогая.

– Я всё оплачу, Вы ни о чём не беспокойтесь!

Когда моя благодетельница ушла, мама раздражённо отобрала у меня шкатулку.

– Тратит деньги на всякую ерунду! А где зарабатывает?! За роды ей бабы много не дают, у кого есть деньги, те в госпиталь едут! Тьфу ты!

– Это не ерунда, а клоун, они детей смешат. Я видел, когда приезжал к нам цирк. Ты не разрешила мне пойти с крёстной на спектакль, но я видел, как они проходили по нашей улице, там даже был настоящий слон!

– Были бы у меня деньги, давно б тебя в пансионат отправила. Может быть там из тебя воспитали бы настоящего мужчину, а то только и бредишь своей Мерлен, да бездельничаешь! – мама швырнула мне игрушку и, бурча под нос, вышла из комнаты.

Доктор Милер был известным в городе, к нему обращались все, кто мог себе позволить такую роскошь. Он сразу же обнаружил у меня ангину и прописал полоскание с прополисом, а ещё жаропонижающие порошки. Мужчина он был статный, высокий и крепкий, с благородной сединой на висках и пенсне на носу.

– Проветривайте почаще комнату, но так, чтобы без сквозняков – мальчику нужен свежий воздух! – он одёрнул штору, и паутинка разорвалась.

Через приоткрытое окно на меня подул лёгкий ветерок.

– Обращайтесь, мадемуазель Берже, в любое время, если возникнут осложнения или какие-то вопросы. Вы знаете, я всегда в Вашем распоряжении.

То, как доктор нагнулся и поцеловал крёстной ручку, вызвало у меня смутные подозрения.

– Благодарю Вас, Жорж.

Она проводила его до дверей и вернулась ко мне.

– Ну, вот, теперь я за тебя спокойна, мой мальчик! Врач сказал, что ты обязательно скоро поправишься и, возможно, на ближайшие выходные мы с тобой поедem к морю. Конечно, если мама согласится тебя отпустить.

Я взял её ладонь и положил себе под щеку:

– Не уходи, пожалуйста, побудь ещё немножечко со мной.

– Ну, конечно! Я не уйду, пока не увижу, что тебе стало лучше.

Я начал потеть, температура снижалась. Мерлен сидела возле моей кровати, пока солнце не скрылось за горами.

– А когда принц увидел её сияющие глаза, он не смог устоять и поцеловал девушку... Тут же её платье превратилось в лохмотья, туфельки – в деревянные башмаки, а красивый конь в осла. Увидев свою возлюбленную в таком виде, принц разочаровался. Ему не нужны были ненастоящие принцессы, потому что он был из очень богатой семьи, и никто бы не позволил ему жениться на нищенке. Вскоре Его Высочество женился на другой, а бедная девушка осталась с разбитым сердцем.

– Грустная сказка и заканчивается она как-то неправильно... – я вздохнул, а на глазах у Мерлен, в янтарной их глубине, сверкнули слезинки. – Мне кажется, такой принц не достоин прекрасной девушки, настоящие мужчины так не поступают. Они не бросают своих возлюбленных.

– Ты бы так не поступил, мой добрый рыцарь!

– Да! Я бы никогда не бросил тебя.

– Ты удивительный мальчик, Эдуард, и очень смыслённый. Жаль, что принцы не такие, – она печально вздохнула и поправила мне одеяло. – Уже темнеет за окном. Скоро наступит ночь. Ты хочешь ещё попить?

– Нет, крёстная, спасибо.

– Вот и жар спал, а теперь ложись на бочок и закрывай глазки. Завтра я снова к тебе приду, как только освобожусь! – нежные губы коснулись моей щеки.

– Спи, мой ангел, и пусть твой сон ничто не потревожит.

Даже не знаю, каким чудом Мерлен удалось тогда уговорить мою маму, но меня всё-таки отпустили. Впервые увидев море, я, конечно же, сразу полюбил его раз и навсегда, возмечтав стать отважным капитаном. Корабли у причала, как ожившая картинка из книг, плавно покачивались на прибрежных волнах. Чайки кружили над головой. Солнце играло яркими бликами. Солёный вкус на губах и запах водорослей, выброшенных на берег... Всё это волшебство подарила мне крёстная!..

В порту суетились рыбаки, разгружая ящики со свежим уловом. Рыба, крабы и морские пауки, омары и креветки, устрицы и моллюски всех сортов тут же продавались в порту. Сети и рыболовные снасти, лодки напрокат... В многолюдной сутолоке я всё время боялся потерять крёстную из вида, хоть она и не отпускала моей руки.

– Кажется, вот здесь работает твой отец.

«Франсуа и компания» – гласила вывеска над ангаром. Бесконечные контейнеры и ящики перегружались с одного места на другое. Мускулистые мужчины работали в поте лица и, при виде всегда изящно одетой Мерлен, расплывались в мечтательных улыбках.

– Не меня ищешь, красотка?!

Крёстная старалась не обращать внимания на эти выкрики:

– Мы ищем Бернара Боссе, не подскажете, как его найти?

– Там он, в конторе, – смуглый мужчина указал, в каком направлении нам нужно двигаться и подмигнул Мерлен. Кажется, она никого не могла оставить равнодушным.

В конторе было душно и пыльно, куча бумаг, разбросанных повсюду. Отец не ожидал нас увидеть. На его руках налокотники, я впервые такие увидел. Вид утомлённый, издёрганый.

– Эдуард, сын мой! – он подхватил меня на руки и подбросил к потолку. – Как ты, мальчик мой?! Растёшь не по дням, а по часам! – он отпустил меня, и повернулся к крёстной. – Добрый день, Мерлен, Вы всё так же прекрасны, – его голос стал другим, более мягким и спокойным. – Какими судьбами в наших краях?

– Розалия просила передать Вам, – крёстная протянула ему свёрток. – Эдуард, очень хотел увидеть, где работает его отец.

– Да, вот здесь и работает, в пыли и жаре... Мне и показать вам особенно-то нечего. А сегодня ещё и день разгрузки, два корабля пришли, еле успеваем, – он развернул свёрток, в котором лежало несколько рубашек и записка. Прочитав её, отец изменился в лице. Полазал по карманам и, достав несколько бумажных купюр, отдал их Мерлен.

– Передайте, что больше нет, сам перебиваюсь, как могу.

Она приняла деньги.

– Спасибо, что заглянули, теперь не придётся тратиться на дорогу. Простите, совсем нет времени, чтобы вас развлекать. А ты, малец, слушайся мадемуазель, а то схлопочешь у меня!

– Что Вы, Эдуард очень послушный мальчик, даже не беспокойтесь! До свидания, мсьё Боссе, были рады Вас повидать.

Когда грохот ящиков и крики грузчиков остались позади, я глубоко вздохнул.

– Нет, никогда не буду работать, как папа, это ужасно. Лучше уж быть моряком...

– Хочешь покатаемся на катере?

Это был предел всех мечтаний. Но как бы я ни радовался морской прогулке на паровой машине, после неё меня стошнило. Да, Эдуард, моряка из тебя тоже не получится, судя по всему...

Часть 1. Глава 6

Время шло, я рос, научился читать и писать. Книги заменяли мне свободу. Погружаясь в мир литературы, забывал обо всём. Там кипела жизнь: приключения, романтика, сражения... пламенная любовь, верная дружба.

В школе я ничем особенным не отличался от других учеников, случались драки и всяческие неприятности. Как правило, выручала Мерлен. От мамы сильно попадало, крёстная же всегда была добра и никогда меня не наказывала. К тому же, директор нашей школы её чаще видел: крёстная почти каждый день встречала меня после уроков. Ей приходилось выслушивать всю критику в мой адрес, но она умела терпеливо сглаживать острые углы.

– Вы поймите, отец Матью, Эдуард мне не просто крестник, он мне как родной сын. У мальчика очень развито чувство справедливости, уверена, если Вы разберётесь в ситуации, то поймёте, иначе он и не мог поступить...

– Дорогая Мерлен, меня очень трогает Ваша забота о нашем воспитаннике, как много душевных сил Вы тратите на этого мальчика, но поймите, мы тоже должны реагировать. Совершенно недопустимо в стенах нашего учебного заведения решать вопросы таким агрессивным способом. Эдуард разбил нос ученику старшего класса, и я вынужден отстранить его от занятий на ближайшую неделю. Пусть это будет для него хорошим уроком.

Я молчал, покаянно опустив голову, и думал о том, что в следующий раз разобью этому негодяю не только нос. Пусть ещё раз только попробует посмеяться над моей семьёй!

– Скоро первое причастие, такое важное событие в жизни Эдуарда и его сверстников, и мне совершенно не хочется выслушивать от родителей пострадавшего ребёнка жалобы на то, что мои ученики дурно воспитаны.

– Но за неделю мальчик отстанет от программы, и ему будет сложно наверстать упущенное, будьте милосердны! А я поговорю с ним, как следует, и постараюсь объяснить, что так поступать нельзя.

Клирик громко вздохнул:

– Как можно устоять перед Вашим очарованием, мадемуазель Берже?! Хорошо, я прощаю мсьё Боссе только ради Вас, но это в последний раз. В наказание он целую неделю после уроков будет помогать школьному библиотекарю до шести часов вечера.

– Крёстная, ты – ангел!

Мы вышли из кабинета.

– Мне пришлось вновь краснеть за тебя, Эдуард. Ты должен обещать, что такое больше не повторится.

– Прости, не сдержался. Этот Пьер смеялся над моими сёстрами, оскорблял их, разве я мог поступить иначе?

– За честь своей семьи, конечно, любой мужчина должен постоять, но постарайся хотя бы не делать этого на глазах у всей школы! Поговори с обидчиком потом, когда выйдете из этих стен.

– Я постараюсь...

Наказание, назначенное мне директором, было для меня огромным счастьем. Я и книги, тишина школьной библиотеки... Об этом можно только мечтать, я бы и ночевал здесь, если бы была такая возможность.

– Эдуард, вы протёрли пыль с верхних полок?

– Уже заканчиваю...

– Хорошо, и не забудьте расставить потом книги по алфавиту.

Наша библиотекарь сама очень любила читать, и так как у нас с ней было одно увлечение на двоих, мы всегда прекрасно ладили. Между делом я успевал ещё и пролистать несколько книг, чтобы вечером, уединившись, погрузиться в отобранные произведения. А книжный запах! Как можно его не любить?! Помогая чинить порванные переплёты, я всегда относился к ним со священным трепетом, ведь это плод писательского труда и вдохновения.

Особенно нравилось мне читать исторические романы про эпоху рыцарей и прекрасных дам, всегда почему-то так сладко от этого щемило сердце. Однажды мне даже привиделся сон, как я мчусь на белом скакуне и рядом со мною мой друг, тоже рыцарь, на нас блестящие железные доспехи... побрякивает оружие на поясах, ветер треплет длинные волосы... Так не хотелось вставать. Матери пришлось скинуть меня с кровати, чтобы я поднялся и не опоздал на занятия. А ещё часто мне снилась девушка с ярко-красными волосами, они словно горели огнём... Каждый раз она о чём-то жалобно меня просила, но просыпаясь, я никак не мог вспомнить, о чём.

Вышел из школы. Смеркалось. В короткие осенние вечера быстро темнеет. Из кустов навстречу мне вышли три знакомых фигуры. Сердце сжалось в дурном предчувствии. Огляделся – ни одного прохожего. Только мои недруги и я.

– Трус, даже несмотря на то, что ты старше, ты боишься честно сразиться со мной один на один! – крикнул я Пьеру.

– Бейте его, парни!

Меня быстро свалили на землю и долго пинали ногами. Только услышав женский крик, разбежались врассыпную по сторонам. Мерлен меня спасла и на этот раз.

– Господи, что эти подонки сделали с тобой! – она помогла мне подняться.

Кровь текла из разбитых губ и рассечённой брови, но хуже всего было не это, страшно болел живот. – Ты можешь идти, мой мальчик?

Я согнулся, присев на корточки, собирая рассыпавшиеся тетради и учебники.

Боль не проходила. Распрямившись, я невольно вскрикнул. Дышать стало совсем тяжело, я упал.

– Подожди, родной, я позову на помощь...

Мерлен убежала.

К счастью мсьё Милер жил неподалёку. Вернулись они вместе на его летней коляске запряжённой серой кобылой. Я впервые тогда ехал в экипаже, но из-за боли не ощутил ничего, кроме тряски, причинявшей мне ещё большие страдания.

– Держись мой родной, любимый мальчик, счастье моё, моя единственная радость! – шептала Мерлен.

Голова моя лежала на её коленях, и слёзы крестной капали прямо на лицо.

Кабинет доктора был ярко освещён, меня внесли туда на носилках и переложили на стол, накрытый белоснежной тканью, в нос ударил запах медикаментов и чада керосиновых ламп.

Крестная всё ещё плакала, её руки дрожали, комкая испачканные в моей крови перчатки.

– Ну что ж, малец, – доктор закончил осмотр и поправил на носу пенсне. – Поздравляю тебя с боевым крещением! Два ребра сломаны, и есть подозрение на внутреннее кровотечение, так что, необходимо хирургическое вмешательство.

Мерлен пошатнулась и чуть не потеряла сознание. Врач усадил её на кушетку и дал нюхательные соли.

– Душенька моя, нельзя так переживать!

Расстегнув несколько верхних пуговиц у неё на груди, доктор помахал перед нею бумажной папкой.

– Сейчас нужно думать о мальчике, чтобы его спасти. Мы теряем время.

– Простите мою слабость, Жорж, займитесь Эдуардом! – Мерлен вновь промокнула слезинку. – Я всё оплачу.

– Об этом не беспокойтесь, моя дорогая. Я сделаю всё, что в моих силах.

Мне показалось или на самом деле, он мельком поцеловал её?!

Позвав ассистента, врач отдал распоряжение подготовиться к операции.

– А Вам, юноша, нужно лежать и не двигаться, любое шевеление может Вам навредить. Если будете меня слушаться, обещаю, всё будет хорошо...

Школу мне всё-таки пришлось пропустить, и не на неделю, а на целый месяц. Познавая жизнь через боль, я многое переоценил в жизни. Такие простые вещи, которые мы не замечаем в каждодневном бытии: что такое первый глоток воды после операции, тарелка супа, первый шаг... Именно с этого момента, мне кажется, я окончательно повзрослел.

Мой Ангел-Хранитель – моя крёстная всё это время была рядом со мной, она читала мне книги и ухаживала за мной, с истинной нежностью и любовью. Розалия почти и не появлялась, из всех сестёр забегала только Николь, и то ненадолго. Я их не винил за это, зная, как много работы у матери, и чего стоит ей прокормить такую большую семью. Отец появлялся всё реже, примерно раз в месяц, чтобы привезти нам денег. Ходили слухи, что там, в городе у него появилась другая семья.

Часть 1. Глава 7

Доктор Милер спас мне жизнь, но здоровье пошатнулось. Рёбра ещё долго болели, живот после операции тоже. Теперь и питаться мне нужно было несколько иначе, а в некоторых случаях лучше не есть вовсе. Поэтому и развиваться я стал по-другому, рос быстро, но был худ, как щепка, и несколько бледен.

Моих палачей наказали, их родители должны были теперь выплачивать компенсацию за ущерб, нанесённый моему здоровью, а Пьера совсем исключили из школы. Мама была довольна тем, что хоть какой-то от меня получился прок. Лишняя монета в доме – всегда радость.

Чем старше я становился, тем большая пропасть разделяла меня с семьёй. И я начал понимать, что очень хочу уехать, уехать как можно дальше от этого города, чтобы как можно реже видеть Розалию, Жанну и Габриель. Николь, несмотря на все наши размолвки, всё же питала ко мне некую сестринскую нежность, но и она была не в силах что-либо изменить в сложившейся ситуации. Учился я хорошо, так что даже директор, время от времени, награждал меня поощрительными премиями. Поэтому, как бы не хотела мама отправить меня на заработки, Мерлен и отец Матью отстаивали моё право на дальнейшее образование.

– Эдуард – очень умный и развитый, но физический труд погубит его и без того слабое здоровье, только подумайте, Розалия, сколько мальчик будет зарабатывать, если станет врачом или адвокатом? Подумали? А если он будет физически вкалывать, на сколько хватит его здоровья? Вы же не хотите потерять сына раньше времени?! Более того, если Вы не можете оплачивать его дальнейшую учёбу, я готова помочь.

– Может Вы и вовсе усыновите Эдуарда, Мерлен?

– Это было бы для меня величайшим счастьем, Розалия.

– Что, своих-то детей Бог не дал? Все говорят о том, что Вы – испорченная женщина.

Мерлен побледнела, но сдержалась.

– Счастье Эдуарда – моя единственная цель, и кроме меня ему некому помочь!

– Это Вы правильно заметили, потому что он весь в отца, такой же непутёвый и ни на что не годный!

Это была последняя капля.

– Во сколько вы оцениваете усыновление, Розалия? В пределах разумного, конечно, ибо я не очень богата. Чтобы раз и навсегда решить этот вопрос.

Я сидел в другой комнате, но слышал каждое слово и видел их через открытую дверь. Моё сердце подскочило и бешено застучало в груди. Жить с Мерлен – это всегда был верх моих мечтаний. Господи, помоги!

– Одним дармоедом меньше! Меня устроит... – цена была названа тихо. – Это будет хорошим приданым для Жанны, которую посватал сын мсьё Конана.

– Я достану нужную сумму. С условием, что мальчик будет жить у меня, и вы больше не потребуете доплаты.

– Посмотрим, где ты найдёшь такие деньжищи, Мерлен!

– Найду. Но мы заключим официальный договор об усыновлении Эдуарда, где будут обозначены все условия!

Мерлен ушла. А я так и остался сидеть в темноте своей комнаты, обняв коленки руками. Сон не шёл. Я считал минуты до её возвращения. Оглядев комнату, понял, что меня ничего здесь не держит. Всё, что мне было дорого, связано только с Мерлен.

На следующий день я собрал свои пожитки и ждал, когда она придёт. Мерлен приехала вечером с нотариусом и доктором Милером, он присутствовал как свидетель.

Бумаги были подписаны, деньги отданы, я – продан, но это счастливейший день в моей жизни. В четырнадцать лет я обрёл свободу. Если бы этого не случилось, через пару лет я бы и сам сбежал. Думаю, что моя мать это хорошо понимала, потому и не побрезговала воспользоваться выгодным предложением. Слезы по мне никто не лил, да и я сам нисколько не был расстроен прощанием с семьёй. К Мерлен мы ехали в карете доктора (которую у нас в городке величали «спасательной»), обняв друг друга и смеясь.

Дома меня ждала солнечная комната с видом на виноградник. Он был создан не для вина, а для красоты, спелые гроздья заглядывали прямо в окно, и на свету виднелись сквозь прозрачные янтарно-зелёные ягоды косточки. На вкус плоды были сладкие и немного терпкие. Аромат любимой Мерлен лаванды сопровождал теперь меня повсюду. Я положил узелок с вещами на кровать и крепко обнял свою спасительницу.

– Теперь всё будет хорошо, Эдуард!

– Сбылась мечта всей моей жизни, крёстная!

– Никто больше не будет унижать тебя, я позабочусь обо всём, мой милый!

– Мерлен, спасибо! Я обещаю во всём слушаться и поддерживать тебя.

– Ты и так наполняешь мою жизнь смыслом, Эдуард. Со дня твоего появления на свет у меня нет никого дороже, мой мальчик.

– Ты не пожалеешь, крёстная, я обещаю!

– Располагайся, родной, это дом – твой, и всё, что здесь есть – в твоём распоряжении, а я должна уйти. Постараюсь к ночи вернуться. Не скучай, мой хороший...

Я видел, как она выходила, экипаж доктора задержался у калитки. Они уехали вместе, и моё сердце тревожно забилося в груди. Жорж Милер был женат и имел троих детей... Неужели ради меня Мерлен пошла на это?

Никогда не посмел бы спросить её, куда она уходит. Были случаи, что и посреди ночи прибегали люди с просьбой помочь очередной роженице, но этого явно было недостаточно, чтобы оправдать наличие денег, которыми обладала моя покровительница. Я очень переживал за неё, потому что любил всем сердцем и желал только счастья, но было ли счастьем то, как она жила?

Часть 1. Глава 8

Каждый день, прожитый рядом с любимой крёстной, был для меня подарком судьбы. Мы не просто ладили, мы не могли насытиться друг другом. Не знаю, можно ли так сильно любить родную мать? Я не просто любил, я обожал и боготворил Мерлен.

У нас никогда не было ссор, не было недопонимания. Мы вместе готовили и убирались, а если она задерживалась, то я очень старался сделать всё к её возвращению сам. В нашем доме всегда стояли свежие букеты цветов, а ещё засушенные пучки благоухающей лаванды, этот запах навсегда у меня связан с воспоминанием о ней... В сезон, когда поля становились фиолетовыми, мы собирали новый урожай: набивали цветочками подушки, сплетали венки, составляли композиции. Даже на шляпках у Мерлен всегда находилась лавандовая веточка. Крёстная одевалась со вкусом, её платья приводили меня в восторг, и, хотя она никогда не жила в Париже, какой-то восхитительный лоск присутствовал в этой женщине. Она была в моих глазах совершенством и отличалась от всех не только ангельским характером и воспитанием, но и внешностью богини.

По воскресеньям мы посещали Церковь, соблюдали все традиции и посты. Мерлен часто ходила на исповедь и старалась привить во мне любовь к Богу. Наш местный священник, отец Даниель, с большим теплом относился к своим прихожанам, его проповеди были интересными и призывали к любви и милосердию.

Иногда я встречал там Розалию и своих сестёр, старшая из них – Жанна, уже была замужем и ждала первенца. Её новая семья была хорошо обеспеченной и держала лучшее в городе кафе. Мсьё Конан, с вечно закрученными усами, и его старший сын Жером, прыщавый молодой человек, занимались обслуживанием посетителей, кухней заведовала свекровь, Жанна занималась посудой и уборкой питейного заведения. Не знаю, был ли этот брак по любви, но, судя по всему, молодые неплохо ладили, и создавалось ощущение удачного замужества. Странно, но при встрече Жанна предпочитала делать вид, что совсем не знает меня и Мерлен, хотя именно благодаря ей получила своё приданное. Ну да Бог с нею, я сильно не расстраивался и не переживал. Как-то так сложилось в моей жизни, что я всегда чувствовал себя чужим и ненужным родным людям. Не было ни поцелуев, ни объятий. Мать даже никогда не спрашивала, хорошо ли мне в другом доме, не интересовалась моим здоровьем и успехами. Почему так произошло? Я не нахожу ответа.

Однажды Мерлен вернулась вся в слезах и, свернувшись калачиком на своей постели, горько зарыдала. Впервые я видел её такой несчастной, и это ввело меня в шок. Я сел возле её кровати, по привычке обняв колени (так всегда меньше болел живот, что часто случалось после удалённой селезёнки) и как верный пёс ждал, пока она успокоится.

Через какое-то время бурный поток переживаний иссяк. Тонкая ладошка с нежностью опустилась на мою голову и погладила меня по волосам.

– Прости меня, родной. Я не хотела тебя пугать.

– Что-то случилось, крёстная? Кто-то посмел тебя обидеть?

– Ничего, мой хороший, и это пройдёт, мы уедем с тобой из этого города и начнём жизнь с начала... Знаешь, мы иногда совершаем ошибки, за которые платим потом всю оставшуюся жизнь. Помнишь сказку, которая тебе не понравилась?

– Про поцелуй, сделавший принцессу нищенкой?

– Да, да ту самую. Эта сказка обо мне. Ты уже достаточно взрослый, Эдуард, чтобы всё понять. Когда-то я была безумно влюблена в одного парня из очень богатой семьи. Он отвечал мне взаимностью и у нас случилось то, что обычно происходит после свадьбы с мужчиной и женщиной. Когда оказалось, что я жду ребёнка, молодой человек в грубой форме отправил

меня к врачу, потому что должна была состояться его запланированная свадьба, и скандал мог разрушить планы его семьи стать ещё богаче. Доктор отказался помочь, и меня отвезли к повитухе в другом городе, дабы избавиться от позора. Тогда ещё были живы мои родители, и они ни за что не простили бы мне такого бесчестья, поэтому отчаявшись, я согласилась на страшный грех.

Женщина, к которой я попала, оказалась плохим специалистом. Она нанесла огромный вред моему здоровью, и если бы не доктор Милер, я бы умерла от заражения крови. Ему пришлось удалить детородные органы, чтобы сохранить мне жизнь. Именно поэтому у меня никогда не будет детей, так же, как и замужества. Какой нормальный мужчина свяжет свою жизнь с такой, как я, бесплодной, испорченной женщиной? А обманывать и врать я не могу, любое враньё всегда вредит больше правды.

Я просто обнял её, прижал к сердцу и сказал:

– В таком случае, я тоже никогда не женюсь. Буду заботиться о тебе и оберегать твой покой...

– Не нужно таких громких слов, Эдуард. Ты – счастье моей жизни, я не хочу никаких жертв, мой мальчик! Ты должен быть счастливым и обязательно однажды кого-нибудь полюбишь. Я освобождаю тебя от всех клятв и обещаний! Хочу, чтобы ты жил, жил за нас обоих, – она снова заплакала. – Прости меня за всё!

– Что ты, Мерлен, мне не за что тебя прощать, ты – лучшее, что есть в моей жизни!

– Увы, малыш, я скоро буду вынуждена тебя покинуть.

Я не верил, что такое возможно, теперь, когда мы объединились, когда так счастливо зажили вместе, Мерлен не может меня оставить!

– Дело в том, что я умираю, Эдуард. Жорж сделал всё, что мог, но эта опухоль, неоперабельна. Мы должны решить твою судьбу прежде, чем это случится. Нужно найти достойный пансионат, где ты будешь жить и учиться.

– Я не оставлю тебя. Ни за что не оставлю. Я буду рядом до твоего последнего вздоха.

– У нас мало времени. Ты уже определился, кем хочешь стать?

Что-то произошло в этот момент, и огненное пламя застелило мне глаза. Яркий свет, такой пронзительный, что я потерял сознание. Очнулся от резкого запаха нюхательной соли.

– Как ты напугал меня, родной.

– Сам не знаю, что случилось... Ты спросила меня, кем я хочу стать, и всё, словно вспыхнуло в голове... – я сел на кровати, потёр виски. – Врачом мне быть уже поздно. Это не выход. Я стану священником, чтобы молиться за тебя до конца моей жизни, крёстная. Ты должна знать, Мерлен, что дороже тебя нет никого на этой земле. Даже если бы я родился твоим сыном, то и тогда не смог бы любить тебя сильнее.

Мы оба прослезились, обнявшись на кровати.

– Молись обо мне, молись, мой мальчик, только на тебя вся надежда. Я так грешна, нет мне прощения за загубленную жизнь дитя. Справедливая кара постигла за все мои преступления. Люди говорят правду, я – нечистая женщина. Разочаровавшись в любви, я решила, что больше ни в чём не буду нуждаться. Начала встречаться с богатыми мужчинами, брать у них деньги. Большинство моих поклонников были женаты, имели семьи... но лишь к одному я испытываю искренние чувства. Этот человек спас когда-то моё тело, но увы, не может помочь душе, – она опустила глаза. – Знаю, ты уже всё понял, и благодарна, что не задавал неловких вопросов. Вот и первая исповедь, которую тебе довелось выслушать, Эдуард. Простишь ли ты меня, сынок? Сможешь ли любить, узнав страшную правду?!

– Я всегда любил, люблю и буду тебя любить, крёстная, потому что нет более доброго и чистого на земле человека. Не думай о плохом, мы не расстанемся, пока ты здесь – я буду рядом...

Часть 1. Глава 9

Какое-то время мы ещё жили счастливо. Теперь, когда все тайны были раскрыты, и между нами исчезла недосказанность, духовная связь стала ещё сильнее. Я учился, а после школы всё время проводил возле неё. Уезжать крёстная стала всё реже, всё чаще ей нездоровилось. Слабость в любой момент могла застать её врасплох. Даже при мне она несколько раз падала, теряя сознание. Весь душевный запас сил и любви я отдавал ей без остатка, желая украсить каждый день жизни Мерлен цветами, нежностью и заботой.

Жорж Милер приезжал к нам часто. Других поклонников я и не видел. Он привозил лекарства и обследовал её. Однажды я застал его на коленях возле кровати Мерлен, со слезами целующего ей руки. Моё неожиданное появление смутило его, и он тут же встал. Но я никогда не забуду этого момента: красные от слёз глаза сильного мужчины, ссутулившиеся плечи и неопишное горе неизбежной потери во взгляде. Тогда я понял, что этот человек по-настоящему любит мою покровительницу.

Раз в неделю приходил и наш кюре.* Он исповедовал и причащал Мерлен, несколько раз, когда её здоровье ухудшалось, соборовал. Ходить на службу к тому времени крёстная уже не могла.

– Эдуард, ты по-прежнему серьёзно намерен поступить в семинарию?

– Без всяких сомнений, отец Даниель.

– Что ж, похвально. Я согласен тебя рекомендовать, за этот учебный год мы должны хорошо подготовиться!.. – он положил мне руку на голову. – Дай Бог тебе сил, чадо! Чтобы ни случилось, Господь не оставит тебя, когда наступит скорбный час.

– Прошу Вас, не говорите мне об этом. Не сейчас, не сегодня. Я ещё верю, что Бог услышит наши молитвы, и случится чудо...

Но чуда не произошло. Седьмого сентября её не стало. В этот день я узнал, что такое смерть.

Крёстная долго не мучилась. Когда я проснулся утром, она уже не дышала. Я хотел её разбудить, но в глаза сразу же бросился неестественный бледно-жёлтый цвет лица и голова, запрокинутая словно в судороге. Даже смертью своею она пожалела меня, приняв всё в одиночестве и тишине. Когда я дотронулся до её руки, она была ещё тёплой.

О, если бы, если бы я зашёл раньше, я бы успел ей сказать...

– Она знала, что ты любишь её, Эдуард. Знала, как сильно вы привязаны друг другу. Я впервые встречаю такие глубокие душевные узы. И сейчас тебе очень больно. Но ты должен знать, сын мой, что у Бога нет мёртвых. У него все – живы!

Отец Даниель прочитал отходные молитвы. А после пришли женщины, чтобы приготовить Мерлен в последний путь.

– Ты не один, Эдуард. Я обещал ей, что позабочусь о тебе, – Доктор Милер, констатировавший смерть, прижал меня к себе, как сына. – Пойдём со мной, мальчик, тебе приготовят комнату.

– Нет. Простите, Жорж. Я достаточно взрослый, чтобы справиться со своим горем. Я останусь здесь. Рядом с ней. В этом доме. Не утруждайте себя, и ни к чему Вашей семье знать...

– Да, ты поистине уникальный, Эдуард. Она ни раз говорила мне об этом. Что ж, тогда просто знай, что я всегда готов помочь тебе по любому вопросу, и не стесняйся обращаться ко мне.

– Благодарю Вас, мсье Милер, за всё благодарю.

В эту ночь отец Даниель не оставил меня в одиночестве. Мы долго молились и разговаривали, а когда в очередной раз на меня накатила волна отчаяния, он утешал меня, пока я не погрузился в тяжёлый и горестный сон.

Снилась огненная женщина, она обнимала меня, и пламя, прожигая кожу, как ни странно это звучит, остужало мою душевную боль.

– Кто ты? Мы знакомы? Ты часто приходишь, но я не помню тебя...

– Когда-то очень давно мы жить друг без друга не могли. Это было в другой жизни, Эдуард.

– Почему ты плаешь?

– Огонь вошёл в мою душу, когда тело сожгли на костре.

Меня передёрнуло.

– Не думай сейчас об этом. Ты просил напомнить, что проклятье снимет только равный проклявшему. Помолись обо мне, будущий священник.

– Как зовут тебя?..

Меня разбудили негромкие голоса, доносившиеся из прихожей. Стоило только прийти в себя, как горе вновь заполнило душу. Собирались люди, знакомые и незнакомые мне. Разделить их можно было на две категории: одна – обеспеченные мужчины, другая – женщины из бедных семей, некоторые пришли с детьми, которым Мерлен помогла появиться на этот свет.

Цветочный запах наполнил дом, в основном это были белые лилии. Их сладостная горечь сводила меня с ума, вызывая головную боль.

Все молча подходили ко гробу и замирали. Смерть не изуродовала прекрасные черты Мерлен, она только ещё больше оголила ангельскую душу почившей. Райский сон застыл в закрытых глазах, а губы, казалось, вот-вот улыбнутся. Я не верил, что это конец. Так не может, не должно быть! Сейчас она встанет и возьмёт меня за руку, посмотрит своими нежными янтарными глазами и сразу же станет тепло на сердце.

Весь ужас потери я осознал лишь тогда, когда гроб стали заколачивать, когда опустили в сырую после дождя яму и начали засыпать раскисшей землёй. Кажется, мой вопль слышал весь город. Жорж с трудом оттащил меня от могилы и заставил глотнуть какое-то лекарство, и я словно задеревенел. Боль притихла, ушли эмоции, осталась пустота. Как будто из груди вынули сердце. Я не помню, что было дальше.

Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох... – внутренний голос заставлял дышать. Потом я замирал, на какое-то время лишая себя воздуха. Резкий вздох и снова выдох...

Свет померк.

Нет, конечно, солнце продолжало светить, гроздь винограда наливались соком. По-прежнему цвели цветы и пели птицы... Свет погас во мне, превращая в серую тень, лишённую каких-либо желаний. Я ел, ходил, дышал, словно заведённая механическая игрушка.

– Этот дом необходимо продать, мсьё Боссе, ваша приёмная мать завещала Вам всё своё имущество и просила меня помочь правильно распорядиться имеющимся капиталом, вложив его в дальнейшее Ваше обучение, проживание и обеспечение. Нам необходимо привести в порядок документы и решить несколько вопросов, – нотариус пододвинул ко мне листы, – поставьте Вашу подпись здесь, здесь и здесь. Ваш новый опекун мсьё Милер не смог сегодня приехать, но он лично контролирует все денежные операции, могу Вас уверить. Видите, он уже оставил свою подпись.

Мне было всё равно. Я бы с радостью лёг рядом с Мерлен и умер. Но исполню всё, что обещал крёстной...

*кюре – во Франции, Бельгии и некоторых других странах: католический приходской священник.

Часть 2. Глава 1

Когда мне исполнилось шестнадцать, началась война. При нашей семинарии открыли больницу. Привозили раненых, тех, кому предстояла долгая реабилитация. Я ещё не был зачислен, проходил подготовительный курс и жил при школе в интернате.

Учеников, кому было куда вернуться, отправили по домам, я же сказал, что сирота, коим себя и ощущал после смерти незабвенной Мерлен. Меня и ещё нескольких воспитанников поселили в одной из комнат, всё остальное помещение было отдано пострадавшим. Днём мы учились, а после занятий помогали санитарам, ухаживая за инвалидами. Старшие семинаристы тоже, каждый в меру сил, трудился при больнице.

– Эдуард, сегодня свежих привезли, все лежачие, ужас! Говорят, только-только после ампутаций, – мой сосед по комнате Генрих выглядел утомлённым после дежурства. – Готовься, тяжёлая будет смена.

– Когда же закончится эта проклятая война! Кому она вообще нужна?!

– Всё только начинается, это лишь первые её плоды, вот увидишь...

Наша бывшая столовая ныне заставлена кроватями. Удушливый смрад невымытых мужских тел, испражнений и гноения, дезинфицирующих средств и медикаментов наполняет помещение. Мы помогаем раненым справлять нужду, выносим за ними судна, обмываем, подносим воду, кормим с ложки, меняем бельё, пишем письма под диктовку... Это многому учит. Пришлось преодолеть брезгливость и гордыню, сносить брань. Молодые мужчины, в одночасье ставшие инвалидами, не отличаются терпеливостью: могут ни за что оскорбить не только словом, но и захватить костылём, если им что-то не понравилось. Мало кто из них может принять своё теперешнее положение, большинство впадает в беспросветную депрессию, озлобляется на весь белый свет.

Часто слышу разговоры о политике, о том, как бездарно правительство подготовилось к войне и совершенно не умеет её вести, что пруссаки численно превосходят наши войска, дисциплинированы и гораздо лучше обеспечены, что назревает бунт не только среди армейских, но и в самом Париже...

Всё это не сулит ничего хорошего нашей стране.

– Что, малец, уши развесил? – ни с того ни с сего напал на меня лишённый до локтя руки солдат.

Я пожал плечами, продолжая кормить овсяной кашей больного у соседней кровати, он фактически ослеп, и обожжённое порохом лицо представляло собой ужасающую картину.

– Не приставай к мальчишке, – заступился за меня другой раненый, лежащий неподалёку, – пусть слушает, в газетах этого не напишут...

– Смотри, донесёшь на нас, с того света достану! – пригрозил мне культёй однорукый.

– Зачем ты так?!

– Слышал, будто все они наши откровения записывают, а потом посылают отчёты... Ты тоже будешь клириком, парень? Неужели думаешь, что Бог тебя от войны уберёжет? А я вот что тебе скажу: на земле балом правит Сатана, и очень скоро ты в этом сам убедишься.

– Ну что Вы за люди такие?! – подал голос тот, кого я кормил. – Дайте поесть спокойно, у мальчика уже руки задрожали, так что ложка стучит мне по зубам. Нашли на кого нападать! Лежите и помалкивайте. Спасибо скажите, что эти дети вообще ухаживают за нами.

– Это да! Тебе ж виднее всех! Большущее Вам спасибо за замечание, господин артиллерист! – саркастически заметил первый.

– Помолитесь за меня, может ноги мои сызнова отрастут... – подыграл ему молчавший до этого сосед по кровати.

Смешок прокатился по залу.

– Не-а! Господь дал, Он же и взял. Не так ли, семинарист?

Я всё это время молчал, слёзы подступали, но показывать им свою слабость, точно так же, как и сострадание, я не хотел. «Жалость – убивает, даже крепких мужчин», – однажды сказал нам в напутствие военный хирург, сопровождавший партию раненых.

К ночи я уже так набегался, что не осталось ни сил, ни желания обижаться на кого бы то ни было.

Школа жизни – лучший учитель, и мы проходим обучение шаг за шагом, ежедневно, кто-то путём вот таких страшных увечий и потерь, а кто-то своим терпением.

В молельной было прохладно, разноцветный витраж изображал сцену крещения Христа. Опустившись на колени, я со всем душевным рвением молился за изувеченных и больных, за тех, кто умирает на поле сражения. За упокой убиенных, за вечное блаженство для моей Мерлен; за Розалию, Жанну и Габриель, за сестру Николь и за отца моего Бернара, от которых совсем не было вестей.

Доктор Милер был мобилизован и оперировал где-то в госпиталях у фронтовой полосы. Последнее письмо от него пришло две недели назад, в нём он написал о своём отъезде. За него я тоже молился и за отца Даниеля, чья духовная поддержка была для меня неоценима и спасительна в трудный период тяжёлой утраты.

– Мсьё Боссе, почему вы покинули занятия раньше положенного? – аббат Маринье застал меня врасплох.

– Простите, профессор, у меня скоро начинается смена, но чтобы найти силы и смирение, я обратился к Богу за помощью.

– Трудное время выпало на вашу долю, Эдуард, – его рука легла мне на плечо. – Наша малая семинария превратилась в дом для инвалидов, и вам не просто совмещать учёбу с такими обязанностями, я же понимаю, мы все понимаем, потому и не требуем от вас многого, но всё же, дисциплина должна быть у будущих духовников одним из самых необходимых условий. Ваша тяга к молитве мне очень приятна и близка, я не застал вас в столовой или в парке, а нашел у алтаря; но впредь постарайтесь не пропускать занятий.

– Я постараюсь. Благодарю Вас, отец Маринье.

– Вот и прекрасно. А теперь помолимся вместе о мире, о милосердии Божьем ко всем пострадавшим на этой войне и за то, чтобы хватило сил, любви и терпения принять и пережить всё, что ниспосылает нам Господь.

Часть 2. Глава 2

«В атаке яростных сражений, неся потери и позор,
смертей посеянных и мнений, нам выносили приговор.
Петля, а может, гильотина, уже не важно, милый друг,
я понял: этот мир – картина, мы не вписались в жизни круг.
Низвергнут, расчленён, обманут... убийца, деспот и злодей,
И прошлое безвестно канет в душе истерзанной моей.
А дальше, только свет... равнина, порхание ангелов в тиши.
Творец, любовь твоя так дивна! Ты мне на помощь поспеши!...»

– Чем навеяно столь вдохновенное послание, мсьё Боссе? Впрочем, не отвечайте, поэзия... она, в принципе, необъяснима. Приходит, стучится в темя, словно дятел, и, лишь излив душу на бумаге, можно освободиться. Что сказать Вам, мой дорогой ученик? Отголоски нашего времени находят отражение в ваших ещё не сформировавшихся до конца душах болью, страхом, поисками истины и самих себя. Вот признайтесь, часто ли Вы представляете, что испытывают ваши подопечные: оставшиеся без рук, без ног, обожжённые, изувеченные войной?

– Почти всегда.

– Вот в этом и есть суть. Человек, умеющий поставить себя на место другого, особенно несчастного и страдающего, способен понять и прочувствовать его боль и, соответственно, не лишён сострадания. Ограждающий себя от мира не способен его познать. Нелёгкая Вам предстоит жизнь, но интересная, Эдуард. И когда Вы поймёте, что сама жизнь и есть величайшее счастье, дарованное нам небесами, Вы познаете истину. Ступайте, не смею Вас задерживать, – учитель закрыл школьный журнал и улыбнулся широкой улыбкой простодушного добряка.

В эти дни в Париже произошла очередная революция, император был низложен, образовалось новое правительство национальной обороны, провозглашена республика.

В палатах стоял гомон, возбуждёнными голосами обсуждалось случившееся. Кто-то радовался переменам, другие осуждали, а нам всё чаще перепало «под горячую руку». Споры не прекращались до ночи и возобновлялись с самого утра.

– Подойди сюда, мальчик! – слепой с обожжённым лицом протянул ко мне руку, когда я проходил мимо.

И как только он умудряется распознать, что это – я?

– Тебя, кажется, Эдуардом зовут?

– Да, мсьё.

– Принеси воды, сынок, только холодной, нет мочи эту тёплую гадость пить.

– Сейчас, подождите минутку.

Мои руки были заняты очередным судном, лишь приведя его в порядок, я смог их помыть и подумать, где можно взять холодной воды. Уже был конец сентября, но жара стояла невыносимая. Повсюду открывали окна, несмотря на то, что сквозняки часто вызывали у ослабленных ранениями людей простуду.

Я сбежал по лестнице вниз, туда, где находилась кухня, а под ней, в подвальном помещении хранились запасы продуктов и была спасительная прохлада, может быть, там найдётся и вода?

Больничные кухарки всех нас уже хорошо знали: мы ежедневно забирали еду для больных и частенько приходили по их просьбам, с тем или иным поручением. Но мы, учащиеся,

обедали в другом корпусе при большой семинарии, и у нас была своя отдельная столовая, где соблюдались постные дни, по всем правилам религиозной жизни.

– Что на этот раз, молодой человек? – полная кухарка подмигнула мне, привычным жестом поправив пышную грудь. Им доставляло особенное удовольствие подшутить над нами.

– Один тяжелораненый просит холодной воды.

– Где ж её взять в такую-то духотень?

– Да! Подумай сам: одному дашь, другие попросят! – розовощёкая помощница, подболевшись, засмеялась. – Знаем мы вас, богомольцев!..

– Я очень вас прошу, имейте сострадание, этот человек ослеп и лицо его обожжено, неужели так трудно удовлетворить его маленькую просьбу?

– Удовлетворить, говоришь?! – они снова звонко рассмеялись.

– Ладно, пойдём, милый, со мною, – посудомойка вытерла со лба капельки пота фартуком.

– О, глянь, никак наша Дульсинея проснулась! Ты смотри, мальчонку не попортить, а то, за малолетних-то по головке не погладят, – они прыснули вновь.

Мы спустились по тёмной лестнице вниз.

– Не слушай этих балаболок, парень. Уж больно их распирает, что вы судьбу себе одинокую выбрали.

– Почему ж одинокую? Священник в пастве живёт, людям служит...

– Ну, да ладно, не обижайся, не наше это дело.

Внизу стояла бочка, наполненная колодезной водой, подняв медную крышку, женщина почерпнула кувшином и подала его мне.

– Попей сам сначала, умаялся, поди...

– Спасибо! – я утолил жажду.

Она вновь почерпнула, и мне вспомнилась добрая самаритянка.

– Только и эта вода быстро согреется, так и будешь бегать?

– Буду, если попросят. Им и так тяжело. Если в наших силах хоть чем-то помочь, грешно этого не сделать.

Она провела нежной ладонью по моему лицу.

– Доброе у тебя сердце, мальчик, хороший духовник из тебя получится, ступай с Богом, и если нужно, приходи сколько потребуется.

После крупных поражений у крепости Мец и у Седана, дорога на Париж была теперь открыта. Германские войска осадили столицу. Обстановка накалялась, люди пребывали в подавленном состоянии, ожидая вестей. Раненых становилось всё больше...

Часть 2. Глава 3

«Ангел мой, Хранитель мой, будь всегда со мной!» – красивый девичий голос разносился по залу, все замерли, чуть дыша, чувство было такое, что эта хрупкая девочка в белом платье – сама ангел, спустившийся на землю поддержать изувеченных душой и телом солдат. Бурные овации не заставили себя долго ждать, у многих на глазах появились слёзы. Благотворительный концерт подготовили для нашего госпиталя дети из сиротского приюта при монастыре святой Моники.

– Расскажи, Эдуард, как выглядит та, которая только что пела, – у моего приятеля из невидящего глаза выкатилась крупная слеза и скатилась вниз по небритой щеке.

– Она стройна, на вид лет пятнадцать, тёмные волосы завиваются, белый кружевной платок на голове, платье тоже белое...

– А глаза?

– Я не вижу отсюда, какого они цвета.

– Красивые?

– Вроде бы да, только очень грустные.

– Скажи, Эдуард, только честно, ты никогда не задумывался о том, что став священником, потеряешь возможность создать свою семью...

– Как же мне надоели эти все разговоры! Я ещё нужен Вам или могу идти?

– Не обижайся, мальчик. Просто у тебя ещё есть время подумать. Я – дурак, не успел до войны жениться, а кому теперь слепой да немощный нужен?! А так хочется женской любви и ласки... Разве можно без неё прожить?

– Эй вы, хватит болтать, не даёте послушать! – вечно недовольный человек без ног пригрозил мне костылём.

А Франсуа сжал мою руку и прошептал:

– Подумай, пока не поздно!

Три маленьких девочки лет восьми спели революционную песенку, в их косы были вплетены цветные ленты, символизирующие флаг Франции. У одной – синие, у другой – белые, у третьей – красные.

– Париж хоть и осаждён, но не сдаётся! Да здравствует Республика! – одобрительные возгласы пролетели по залу.

Парижане сформировали двести новых батальонов национальной гвардии и в едином порыве отстаивали рубежи столицы. Защиту города держали в основном простые люди: вооружённые ремесленники, рабочие и торговцы.

Концерт закончился по традиции Марсельезой, и те, кто мог, поднялись с постелей. Я тоже подпевал стоя. Всех нас объединяла любовь к своей Родине, и неважно, кто каких придерживался политических и религиозных взглядов, все мы любили Францию и были готовы умереть за неё.

В ту ночь я долго не мог заснуть, странно, всё время казалось, что до меня доносится запах лаванды. Но откуда же ему тут было взяться, видимо, тоска по Мерлен рисовала в моём воображении присутствие крёстной рядом, а может быть, и правда, душа её приходила меня навещать, и я таким вот причудливым образом ощущал это?! Кто знает?.. По большому счёту, Эдуард Боссе никогда не отличался нормальностью, а был скорее исключением из правил.

Когда, наконец-то, удалось погрузиться в дрему, я увидел пылающий костёр, на нём горела, но не сгорала привязанная к столбу девушка. Я пытался её освободить, обжигая руки, развязывал верёвки, но никак не получалось хотя бы ослабить их.

Когда я увидел её зелёные глаза, то закричал и очнулся в холодном поту.

– Вечно ты орёшь, как придурок! – Генрих заворочался и тяжело вздохнул.

А я, сев, дрожащими руками дотянулся до графина с водой, стоявшего на тумбочке, и, налив воды, осушил стакан до дна.

И снова запах лаванды вскружил мне голову.

«Где ты, Мерлен? Если бы я мог увидеть тебя! Как же хочется вновь прикоснуться к тебе, почувствовать твою любовь, крёстная! Мне так тебя не хватает!»

Но в ответ лишь тишина. За окном проехал, громя колёсами под лошадиное цоканье, чей-то экипаж. Темнота густой пеленой обволакивала глаза. Через стены доносился приглушённый мужской храп и редкие стоны страдающих от ран.

Я почувствовал себя в эти минуты ослепшим Франсуа, хотелось сбежать туда, где свет. Скорее бы уже наступило утро! Среди всех окружавших меня людей, я ощущал себя одиноким, бездомным, немеющим семьи человеком. Меня никто не ждёт, некуда возвращаться, даже на каникулах я останусь здесь. И это при живых родителях... От доктора Милера давно нет вестей, неужели и с ним что-то случилось?..

– Эдуард! – кто-то тихо произнёс моё имя прямо в ухо. Я вздрогнул, холод пробежал по всему телу, и это при жаре, когда, покрывшись потом, нечем дышать.

«Наверное, сквозняками продуло», – подумал я.

– Кто здесь? – произнёс я шёпотом.

Генрих недовольно что-то пробубнил в ответ и снова перевернулся.

Как ни старался я взглянуть в темноту, ничего не увидел, и ответа не последовало.

То же самое повторилось на следующую ночь. Кто-то шептал моё имя, и я просыпался, ёжась от страха и холода. Может быть, это начало какого-то психического расстройства, и мне пора обратиться к врачу?

Но врач не нашёл каких-либо отклонений:

– Молодой человек, Вы очень впечатлительны, к тому же, это может быть просто розыгрыш, и кто-то из ваших товарищей пытается подшутить над Вами...

Но это было не так. В ночь полнолуния, когда света в комнате было достаточно, чтобы хорошо разглядеть силуэты предметов, шёпот вновь прозвучал надо мной. Я огляделся, мои соседи по комнате мирно спят, и никто, кроме меня, ничего не слышит. Я накрылся одеялом с головой, пытаюсь убедить себя, что всё мне пригрезилось, но стало душно, и через какое-то время я снова раскрылся.

– Эдуард, не бойся меня! Я пришла с миром... – женский голос (не похожий на голос крёстной) всё же показался мне смутно знакомым.

Я вскочил, серебристый свет наполнял комнату, ничего особенного не происходило.

– Кто ты и зачем тревожишь меня каждую ночь? – я спросил еле слышно, обращаясь неизвестно к кому.

– Я – твоя Эделина. Молись обо мне, – последовал ответ непонятно откуда.

«Имя-то какое странное, – подумал я, среди моих знакомых не было ни одной Эделины. – И почему „ТВОЯ“?»

Часть 2. Глава 4

Это имя не давало мне покоя, днём оно заставляло моё сердце биться быстрее, ночью лишало сна. Я обратился к моему духовнику и всё рассказал ему.

– Может быть, какая-то заблудшая душа просит молитвы, и ты её услышал? Что же в этом странного, Эдуард? Если Бог дал тебе нечто подобное, значит можешь считать, что отметил. И ты не просто будущий священник, а Богом избранный. Помнишь, как голос, звавший Самуила, трижды обращался к нему, а мальчик думал, что это Илий кличет его. Вот и ты, если голос появится вновь, тихонько, а лучше мысленно скажи ему, что слышишь, и без страха, с верою внимай. Потом обязательно всё расскажи мне. Если эта душа не желает тебе зла, то и помолиться за неё не грех. Дьявол никогда не попросит молитвы. Иди, сынок, прочитай Розарий да попроси за ту Эделину, – священник перекрестился, словно от самого имени ему стало не по себе, – может, и перестанет она тревожить твой покой.

Отец Гийом был самым старым из всех наших семинарских священников. Его руки иногда сами по себе дрожали, но ясный взгляд отражал светлый ум, и сердце у него было доброе. Он всех называл не иначе как «сынок», а мне этого так не хватало в жизни.

Со всем своим усердием я прочёл Розарий от начала и до конца, все пятнадцать таинств. В этот день у меня не было дежурства в госпитале, я мог отдохнуть. Сначала думал отправиться в библиотеку и засесть где-нибудь в укромном месте с хорошей книжкой, но на улице было солнечно, а мы так мало бывали на свежем воздухе в последние дни, что я отправился на прогулку. Наш парк был всегда образцово-ухаженым, для этого держали своего садовника, который днями напролёт занимался только созданием красоты. Были у нас и кусты лаванды, но сейчас она не цвела. Проходя мимо неё, я всегда проводил рукой по тонким веточкам, словно здороваясь. Мне нравился покой и уединённость этого места. Наша школа-интернат и сама большая семинария были огорожены от городской суеты: территория обнесена высокой каменной стеной, которую так не любили старшие учащиеся, время от времени без разрешения покидавшие занятия. Теперь, кроме нас, в парке появились те, кто проходил лечение в госпитале, а также врачи и сёстры милосердия, кухарки и санитары. Работы садовнику прибавилось: содержать всё в чистоте, восстанавливать потоптанные цветники...

Какое-то движение за кустами заставило меня замереть. Я прислушался, там явно кто-то был. Странные звуки, то ли всхлипы, то ли стоны... Вдруг кому-то стало плохо?.. Каково же было моё изумление, когда я, приблизившись, увидел одного из старших учеников, занимающегося прямо на траве непотребством с полуобнажённой девицей. Увидев меня, мадемуазель вскрикнула и, на ходу поправляя платье, убежала.

– Ну-ка, стой, любезный! Тебе никто не говорил о том, что подглядывать за взрослыми нехорошо?

– Простите, я случайно. Подумал, возможно, кому-то стало плохо...

Он схватил меня за шиворот и слегка встряхнул:

– Если кому-нибудь расскажешь, сопляк, я тебя по стенке размажу!

– Я никому ничего не скажу.

– То-то же! – он отпустил меня и оглянулся вокруг, нет ли свидетелей происшедшего. – И вот надо было тебе явиться и всё испортить! – в его голосе звучала досада.

– Вы же будущий священник, как можно так?!

– А ты что, наивный, думаешь у священников своей личной жизни не бывает? – его громкий смех прозвенел у меня в ушах. – Глупый мальчишка, и откуда ты взялся такой?! Главное, не попасться! А девушек это ещё больше заводит, к тому же, ответственности никакой, у нас же целибат!

От его кощунственных слов мне стало дурно.

– А как же честь? Совесть, в конце-то концов?

– Не, ну посмотрите на этого святошу! Ухохотаться и не встать! Про честь и совесть, это ты в проповеди прихожанам своим расскажешь, деревенщина. А жизнь одна и у неё много своих радостей...

– Зачем же Вы тогда пошли в семинарию? – это не укладывалось в моей голове.

– Затем, чтобы не вкалывать, придурок! Уж куда легче молитвы читать, да песнопения петь! В общем, я тебя запомнил и предупредил! Если у меня будут неприятности, я тебя живьём закопаю вот под этим самым кустом. Уловил?!

Я был в шоке. Кивнув головой, я высвободился из его цепких рук и быстро ушёл, уже не замечая ни солнечного света, ни красоты старинного парка, ни осенних цветов. Чувство было такое, что меня вывалили в грязи и сделали соучастником преступления. Даже когда мальчишки избивали меня ногами, я не ощущал подобного унижения.

«Неужели весь мир так живёт? Как это может быть так? Крёстная, если бы ты была рядом!.. Но и в твоей жизни было разное...» Слёзы потекли сами собой, мне было стыдно за свою слабость, стыдно за того парня, стыдно за весь этот свет, хотелось спрятаться и больше никого не видеть. Я мог смириться со многим, но такое лицемерие и ложь были просто невыносимы.

Часть 2. Глава 5

И я никому ничего не сказал, потому что считаю доносы делом даже более постыдным, чем поступок этого парня. Но жизнь теперь нас постоянно сталкивала лбами: то мы встречались на лестнице, и он перегораживал мне дорогу с язвительной улыбочкой, то во время смены в госпитале мы попадали в одно время, в один и тот же зал. Я узнал, что имя этого семинариста – Лоран, учится он последний год, и уже будущей весной должен быть рукоположен в священники. Он не брезговал ни одной возможностью хоть как-то мне насолить исподтишка. Именно в его смену ко мне особенно придиралась старшая медсестра, комендант и даже больные. Он всё время что-то нашёптывал им, при этом сам выглядел наичистейшим и добрейшим из всех. На людях он всегда был расторопен, но стоило ему остаться одному, как он тут же принимал позу ленивца. Я не раз заставлял его в каморке, где хранилось бельё, спать во время смены, но, появляясь на людях, он снова создавал видимость активного участия и, главное, добросердечного человека. Наше немое противостояние забирало у меня немало сил и нервов.

Однажды этот человек просто облил меня испражнениями из судна, которое выносил, да причём так ловко, что брызги долетели даже до моего лица. Он тут же закричал, что это я сбил его с ног, и мне велели не только стирать свою испачканную одежду, но и мыть за него пол...

В тот день я пошёл на исповедь и признался духовнику в том, что ненавижу одного человека настолько, что готов его задушить. Но мудрый отец Гийом сумел убедить меня в том, что это искушения, дьявол ищет пути, как бы укоренить в моём сердце зло, что нужно простить и молиться за душу своего обидчика. Господи, как же это было трудно! Я буквально заставлял себя через все «не хочу» и «не могу». Со временем стало легче, но только до тех пор, пока он не подкладывал мне очередную «свинью», и тогда всё начиналось заново.

Я часто думал, за что мне это?! Чем я так разгневал Небеса, что меня с детства не любили в родной семье, Мерлен рано умерла, и даже здесь появился человек, который сумел отравить моё существование. Клеймо неудачника словно стояло на мне с момента появления на свет.

Однажды я понял, что должен дать ему отпор. Нет, не так низко и подло, как поступал мой противник, но его необходимо как следует проучить. Я ждал удобного момента, и он не повременил случиться. Зазнобой Лорана была одна из девушек, помогавших на кухне. И он частенько отлучался по поводу и без повода, чтобы спуститься в погреб, там она его подкармливала, и они предавались утехам. Погода этой зимой не располагала к прогулкам, и парочка нашла себе местечко поукромней. Однажды я проследил за ними. И в разгар их любовного свидания ворвался в тёмное помещение с зажжённой лампой, предварительно позвав наставника.

Картина предстала во всём своём постыдном откровении. Лорана повели к директору семинарии, я шёл вслед за ним. Он несколько раз оглянулся на меня, выражение его лица было таким, что если бы взглядом можно было убить, я бы уже был стёрт в порошок.

На разбирательстве у директора я сказал правду:

– Считаю, что такой человек не может быть священником, и дело здесь даже не в его аморальности, а в том, что он изначально неверно относится к будущему служению. Человек, не несущий ответственности за собственные поступки, не имеет права совершать таинства. Если я не прав, накажите меня.

Вскоре выяснилось, что любовница Лорана беременна. Он был отчислен из семинарии и вынужден жениться на этой девушке, как сложилась их дальнейшая судьба, мне было неизвестно. После скандального разоблачения старшие семинаристы устроили мне «тёмную». Думаю, не нужно объяснять, что это значит. Ногами не били, но я был весь в синяках, и мне объявили бойкот. Учителя, напротив, считали, что я пострадал за правду и относились ко мне

с ещё большим уважением. Единственными друзьями моими, по-прежнему, оставались книги. Я без экзаменов был зачислен в семинарию, учился с удовольствием и без особых усилий.

В конце января 1871 года, втайне от народа, правительство подписало позорную капитуляцию. Было решено провести досрочные выборы в Национальное собрание, осаждённый оккупационными войсками Париж был лишён права голоса. В результате парламентским большинством вновь оказались монархисты. Главой исполнительной власти французской республики избрали Адольфа Тьера.

Приближалась весна. Стало чаще появляться солнце. Работы в госпитале становилось всё меньше, кто-то из пациентов умер, другие, поправив здоровье, разъезжались по домам. Интернат вновь начал заполняться учениками, не знавшими о нашумевшей истории с Лораном. У меня появились новые приятели. Старшие семинаристы были рукоположены в сан и покинули стены нашего учебного заведения.

Часть 2. Глава 6

Правительство Тьера поддерживало интересы крупной буржуазии и подписало тяжёлые для Франции условия капитуляции. Восемнадцатого марта в Париже вооружённая национальная гвардия (состоявшая в основном из рабочих и ремесленников) захватила правительственные учреждения. Основным требованием восставших было освобождение Франции от прусских оккупантов и создание народовластия. Центральный Комитет Национальной гвардии провозгласил себя временным органом управления страной до избрания Парижской коммуны и назначил своих комиссаров во все городские и государственные учреждения. Через десять дней была провозглашена Коммуна. Шестнадцатого апреля издан декрет о возобновлении работы заброшенных мастерских и передачи их в управление кооперативным ассоциациям рабочих для ликвидации безработицы. Отменены высокие оклады чиновникам (их ставки не должны превышать заработной платы квалифицированных рабочих). Армия упразднена вооружённым народом. Провозглашено отделение церкви от государства.

Для семинарий настали тяжкие времена, священники лишились оклада и были вынуждены существовать на добровольные пожертвования. У обедневшего и в общей массе агрессивного настроенного народа не хватало средств для собственных нужд. Вовсю пропагандировался атеизм. Церкви почти опустели. Многие семинаристы бросили учёбу.

– Вот так и происходит естественный отбор. Если вера твоя крепка лишь тем, что жить вольготно – то нет у тебя никакой веры! Первые христиане доказывали свою верность Христу под угрозой смерти. Посвятить свою жизнь Богу способны не все. Каждый из вас, вступающий на этот жертвенный путь, должен понимать, что настали суровые времена для верующих. Достаточно вспомнить первую революцию: сколько священников было убито, монастыри разграблены и осквернены. Тех, кто не присягнул тогда новой власти и не согласился проповедовать еретические культы, казнили на площадях. Что ждёт вас, будущие духовники, в эпоху новой смуты? Знает только один Господь! Я не осуждаю покинувших нашу семинарию, не ощутивший в себе силу самопожертвования не должен вступать на эту священную стезю... – отец Гийом внезапно побледнел и схватился за сердце.

Его успели подхватить, не дав упасть. Случился инфаркт, после которого он слёг. Эти слова моего духовного наставника я запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Имущество семинарии начали понемногу распродавать, чтобы хоть как-то прокормить оставшихся учеников и преподавателей. Все ставки были сокращены до минимума. Больше не было садовника, рабочих кухни и уборщиков. Все эти обязанности исполняли теперь сами семинаристы. Рано утром посменно мы приступали к работе и продолжали после занятий до позднего вечера. Было трудно, питались плохо, спали мало, но я не променял бы свою жизнь ни на какую другую. Самое важное, что укрепляло и объединяло всех нас – это вера. От испытаний и притеснений она становилась только крепче, и каждый из оставшихся в семинарии, я в этом уверен, был готов на любые жертвы ради своего призвания.

Я часто и с удовольствием дежурил возле постели отца Гийома, мы много говорили, иногда он просил прочитать вслух для него какое-то произведение, а потом мы его с ним обсуждали.

– Сын мой, я счастлив, что у нас в это тяжёлое время есть такие преемники. Я спокоен, оставляя веру в надёжных руках. Встань, пожалуйста, на колени поближе ко мне, – я вплотную приблизился к его кровати, думая, что для молитвы, но отец Гийом положил ладони мне на голову и сказал, – Господи, в руки твои предаю это чадо и молю Тебя благословить Эдуарда,

пусть его жизнь будет достаточно трудной, чтобы он заслужил Небесное блаженство, пусть его сердце полнится любовью и состраданием к ближним, пусть его молитвы будут услышаны, а заслуги учтены, да простятся ему все грехи его. Аминь.

Я поцеловал его холодную худую ладонь и почувствовал, как слёзы потекли по щекам. Сыновья любовь и благодарность переполняли меня.

В ту ночь душа священника покинула брренное тело.

«Почему, Господи, ответь мне, почему ты забираешь у меня самое дорогое?! Стоит мне всем сердцем полюбить кого-то, как смерть разлучает нас. Неужели тебе так не хватает ангелов, что ты забираешь моих близких?!»

Но в ответ тишина... Ни слова, ни шелеста, ни порыва ветра.

«Не будь так скуп, Отец, не будь так ревнив!» – мои рыдания сотрясали пустую шапеллу*. Тело отца Гийома покоилось на каменном постаменте, гроб ещё не был готов. Его бледное лицо было таким безмятежным и даже счастливым, казалось, он сейчас проснётся и снова заговорит со мной. Тихонько потрескивали зажжённые свечи, лучи уходящего солнца освещали витражные стёкла и разноцветными пятнами рассеивались по полу.

«Как мала вера твоя, сынок, что ты не видишь, какого блаженства удостоен дух мой!»

Я подскочил, как ужаленный. Клянусь, это был его голос. Но тело всё так же неподвижно и холодно.

«Ты обвиняешь Бога, даже не осознав, сколь сильна Его любовь к тебе. Самое дорогое в твоей жизни, – это Он. Он отдал тебе Себя.»

– Отец Гийом, это Вы?

– Я, мой мальчик. Смерть – это не конец, это только начало. Эделина твоя ждёт.

– Кто она?

– Проклятая ведьма, сожжённая на костре. Помни о ней.

Больше я ничего не слышал.

«Почему моя? Разве можно молиться за ведьму, да ещё и проклятую?..» – слёзы высохли, в душу сошёл покой. Я теперь точно знал, что отец Гийом существует и нет смысла убиваться, хоть мы и расстались, но, возможно, ещё встретимся... Теперь меня больше всего мучили неразрешённые вопросы: кто такая Эделина и как ей помочь, не сошёл ли я с ума и что с этим делать?..

*chappelle – (франц.) капелла

Часть 2. Глава 7

Революция, совершённая в Париже, не получила поддержки по всей стране. Уже в апреле коммуны в Тулузе, Лионе, Марселе и многих других крупных городах были уничтожены. Имперские войска подавили восстание крестьян. Немало усилий для этого приложили и клирики, проповедуя возвращение к монархизму, воссоединение Церкви и государства. К Парижу приближалась сотысячная армия контрреволюционеров, подкреплённая отпущенными прусским командованием французскими солдатами для поддержания версальского правительства. Париж тоже собирал свои резервы, уже к маю армия коммунаров насчитывала до девяноста тысяч добровольцев.

– Эдуард, Вы сегодня летаете где-то в облаках?!

– Простите, мсье Маринье, я задумался.

– Напоминаю, тема сегодняшнего урока – философия эпохи Возрождения. Охарактеризовать это направление можно отказом от общепринятой идеологии католической религиозности и обращением к личности человека. Так называемый классический гуманизм, утверждение практического критерия истины. Вспоминаются такие имена, как Мишель Монтень (учитель скептицизма), Николай Кузанский, высказавший идею единства Бога и его проявления в природе (направление пантеизма) и, наконец, Джордано Бруно, известного всем нам не только своими философскими и научными трудами, но и своей трагической кончиной: он был заживо сожжён на костре...

Сильная боль пронзила сердце. Запах гари и обожжённой плоти заполнил ноздри, всё вокруг потемнело, и, последнее, что я услышал, это был звук упавшего на пол тела. Увидел себя со стороны, лежащего на полу, а дальше темнота. Замкнутое пространство и свист в ушах, словно падаю вниз с большой высоты внутри какого-то длинного туннеля или трубы, но не разбился, плавно «приземлившись».

Слабый огонь, ещё шедший от углей, шипит под струями холодного дождя. Человеческие останки, прилипшие к столбу, ещё дымятся. Вонь невыносима. Адская боль разрывает моё существо бессилием и удушающей ненавистью.

«Ещё несколько часов назад она была со мной... а теперь её больше нет!» – эта мысль пронзала копьём.

– Эделина-а-а!.. – от собственного душераздирающего крика я пришёл в себя. Этот белый кабинет был мне хорошо знаком.

– Слава Богу, Эдуард! Как Вы себя чувствуете? – обеспокоенное лицо сестры Жанны, за нею возвышается тёмная фигура аббата Маринье.

– Ну и напугали же Вы нас! Что произошло?

– Не знаю, – с трудом прохрипел я голосом, не желающим повиноваться, язык как ватный, а в носу всё ещё ощущался тошнотворный запах гари.

– Нам необходимо вызвать врача, я боюсь, что это начало падучей...

– Не дай Бог, только эпилептиков нам не хватало! Я уже отправил человека за доктором.

– Попейте воды! – она приподняла мне голову, помогая сделать несколько глотков.

– Сегодня я освобождаю Вас от работы, мсье Боссе, полежите здесь, отдохните, как следует, – он благословил меня и обратился к фельдшерице, – сестра, позаботьтесь о больном, а я похлопочу о хорошем питании. Молодой человек очень бледен и измождён.

Когда учитель ушёл, Жаннет (как ласково мы её называли) взяла меня за руку.

– Вы кричали, Эдуард. Это был вопль отчаяния. Что Вы видели, будучи в забытьи?

– Тело, сожжённое на костре, прикованное к столбу...

– О, Боже Милостивый! – она перекрестилась и промокнула мне намоченным в уксусе полотенцем лоб, – кажется, у Вас начался жар.

Меня, действительно, бил озноб, и в то же время всё горело внутри.

«Неужели эта женщина сторела по моей вине? Или по вине моего предка? Как такое может быть? Я видел всё собственными глазами, я был там! Как возможно это? Господи, Боже мой! Неужели мы существовали прежде?!»

Не прошло и пяти минут, как прибыл врач, живший неподалёку: он обычно осматривал семинаристов и, в случае надобности, приезжал по вызову.

– Ну-с, молодой человек, откройте рот, вытяните язык и скажите: «А-а-а», – он ощупал мои гланды, посмотрел в глаза, оттянув нижнее веко, послушал дыхание, приложив к груди стетоскоп. – Картина ясная – tonsillae, проще говоря, острый тонзиллит. Где это вы так умудрились подхватить его, юноша? Выпишу Вам порошки и микстуру. Полоскать горло каждые два часа раствором нитрофураля. Жанна, проследите, чтобы больной ни с кем не контактировал до полного выздоровления. Завтра загляну снова, если случится резкое ухудшение, везите его сразу в больницу. Неплохо бы поставить спиртовой компресс на меду... и много, много пить, желательно, тёплой воды. А вот едой не мучайте, ему сейчас и проглотить что-то будет нелегко.

– Я заварю липовый чай с мёдом.

– Замечательно, только не горячий!

Доктор собрал свои инструменты и ещё раз заглянул мне в глаза:

– Сбивайте температуру уксусным обёртыванием! Желаю здравствовать! – он откланялся и ушёл.

– Мне нужно бежать за лекарствами, Эдуард, я скоро приду. Лежите, пожалуйста, не вставайте! Я Вас потеплее укутаю.

– Куда ж мне деваться-то?! – я улыбнулся.

Закрыв глаза, подавляя озноб, что-то ярко-красное снова показалось. «Это настоящая пытка, кошмар не уходит.»

– Эделина, – я произнёс это имя еле слышно, но тут же прозвучал ответ, словно она всё это время ждала меня.

– Я здесь, мой возлюбленный.

– Как это возможно?

– Душа бессмертна, ты же знаешь.

– Почему ты здесь?

– Ты сам просил найти тебя и помочь вспомнить...

– Это не сон?

– То, что ты видел, произошло на самом деле.

– За что они так с тобой?

– За нашу любовь... Всё в жизни должно быть оплачено.

Я осмотрелся по сторонам, внешне ничего не происходило. Я говорил сам с собой, потому что ответы звучали только в моей воспалённой голове.

– Кто тебя проклял?

– Священник.

Я вздрогнул.

– Чем я могу помочь?

– Снять проклятье может только равный проклявшему.

– Как это сделать?

– Не знаю...

Перевернулся на бок, лежанка была жёсткая, предназначенная для процедур, ломота в теле не проходила.

– Говоришь, что мы любили друг друга?

– Ты всегда был моим светом!

Голосом это трудно назвать, скорее я улавливал её мысли, но и они имели своё настроение и воздействовали на меня. Щемлящая тоска наполнила сердце.

– И давно ты ждёшь?

– Очень, очень давно. Я долго тебя искала, потом ждала, пока ты вырастешь, чтобы смог понять... Не бойся, я никогда не причиню тебе зла.

– Я и не боюсь, мне просто холодно, поэтому зубы стучат.

– Если ты позволишь мне к тебе прикоснуться, станет тепло.

Я вскрикнул от неожиданной боли, словно меня окатили кипятком, но озноб и вправду прошёл, стало даже жарко. Закрыв глаза, снова – огонь. Только уже без останков, женский силуэт приобрёл очертания.

– Красивая... Ты очень красивая, Эделина.

Тихий смех прозвучал, как мелодичный перезвон колокольчиков.

Вернулась сестра Жанна и, взглянув на меня, запричитала:

– Бог мой, да Вы пылаете огнём! Сейчас, сейчас дам лекарства, Вам станет легче! Господи, помоги!

Часть 2. Глава 8

Меня определили в отдельную комнату, небольшую, но светлую. Окно выходит на южную сторону, из него виден парк со стороны цветущей аллеи. Вишня нынче вся в цвету, и розовое облако не тает. Когда температуры нет, я тайком встаю и не могу оторваться от этого зрелища. В таком состоянии и застал меня Генрих, в руке у него апельсин, невиданная роскошь...

– Салют, как дела, Эд? Долго ещё валяться здесь будешь?

– Как получится. Хорошо, что ты зашёл, ко мне никого не пускают, скукота...

– Вот, возьми, это тебе, – он протянул оранжевый плод, и я чуть слюною не подавился.

– Нет, я так не могу, давай разделим его поровну.

– Ну, если не жалко, – он даже обрадовался.

В последнее время никто вдоволь не ест, что уж и говорить о деликатесах?!

– Откуда такое богатство? – я стал отделять кожуру, вдыхая головокружительный аромат.

– Вчера в честь падения коммуны выдали, – продолжил мой товарищ, – говорят, в Париже страшная резня была. Армия Тьера одержала победу. Газеты пишут, тридцать тысяч коммунаров полегло. И ещё около сорока тысяч будет предано суду. Кровавая майская неделя, так назвали всё произошедшее... – Генрих тяжело вздохнул, – у меня дядюшка живёт в Париже. Вот даже не знаю, жив ли он теперь, на чью сторону встал?..

– Дай Бог, чтобы с ним всё было хорошо! Это ведь он оплачивает твоё обучение?

Генрих кивнул в ответ и перекрестился.

– Говорят, Тьер снова восстановит порядок, и гонений на Церковь больше не будет...

Но мне всё равно жаль погибших, наши же соотечественники!

– Да, это ужасно. Не хотел бы я жить в Париже.

– Это точно!.. Кто-то идёт, я побегу, а то схлопочу от Жаннет, я ведь без спроса зашёл.

– Подожди! Держи! – я вложил ему в ладонь обещанную половинку апельсина. – Спасибо, что заглянул, а то я даже новостей не знал...

Он кивнул головой и скрылся за дверью.

Какое же это наслаждение, надкусить тонкую кожуру с дольки и выжать в рот сладкий сок цитрусового плода. Вкус Рождества, а на дворе – месяц май, чудеса, да и только! Последний раз я ел апельсины вместе с Мерлен. Как давно это было, кажется, что в другой жизни, там, где светило солнце, виноградные гроздья смотрели в окно, пахло лавандой и сердце наполнилось счастьем! Невольные слёзы накатились на глаза, мне так её не хватает...

– Не печалься, Эдуард. Крёстная часто тебя навещает. Жаль, что ты её не слышишь, – это Эделина, теперь она часто «говорит» со мной.

– Почему у тебя получается, а у неё нет?

– Там, где она, души уже с Богом. Они больше не принадлежат этому свету. Я же застряла между миров... К счастью, в прошлой жизни одна старая ведунья помогла нам с тобой соединиться.

– Я не понимаю, о чём ты.

– Ну, как же, наш общий мир, где были только ты и я. Помнишь?! Ты даже научился сам созидать...

Я перебил её:

– Это бред. Я просто схожу с ума. Ты – плод моей больной фантазии и только!

Эделина обиделась и исчезла. К вечеру у меня опять поднялась температура. Пришлось лежать под одеялом, а не любоваться лучами розового заката над вишнёвым садом. Мне стало одиноко и очень тоскливо.

– Да ладно тебе, не обижайся! Ау?! Эделина, ответь мне! Ты же здесь, я знаю!
В ответ тишина. Ничего не остаётся, как закрыть глаза и попытаться уснуть.

На иконе, висящей над кроватью, Богородица в слезах. Я полон ярости. Хруст позвонка, похоже, что я сломал падре шею. Он тут же обмяк, испустив дух. Отбросив с отвращением мёртвое тело, я не думал о том, что убил человека. Ощущал лишь отчаяние и горечь потери, не ставшие от этого меньше. Шатаясь, кое-как поднялся на ноги, и словно пьяный, ударяясь о стены, побрёл прочь. В коридоре валялся старик с разбитым лицом, стонал, значит живой, невинная жертва... Выскочив на улицу, я подставил лицо ливневым струям и заорал во всё горло так, что сотряслась городская площадь. А может, это был гром. Разряд молнии ударил в церковный шпиль, и земля загудела под ногами. Упав на мокрые камни, я молил Бога о смерти.

– Эдуард, выпейте, это лекарство, бедный мальчик, у Вас снова жар! – Жаннет с испуганным лицом склонилась надо мною, помогая выпить горький порошок разведённый в воде. – Не понимаю, что происходит, Вы снова бредите и пугаете меня... Не умирайте, ради Бога!

Только сейчас я заметил на ней тонкую ночную сорочку и чепец на волосах. Вокруг было темно, лишь свет от керосиновой лампы тускло освещал предметы вокруг.

– Простите меня, это кошмар...

– Вы кричали, чтобы Бог покарал Вас и забрал Вашу жизнь, – её глаза были просто огромными от волнения, – Эдуард, Вы кого-то убили?..

– Нет, это лишь видения...

Я схватил её за руку и взмолился.

– Жанна, не уходите, умоляю Вас, не оставляйте меня сейчас одного!

– Хорошо, конечно, я побуду с Вами, – она озябшими руками потёрла плечи.

– Вам холодно, ложитесь ко мне под одеяло. Клянусь Вам, я не имею ничего дурного, просто обнимите меня, как сестра.

Неожиданно она согласилась и легла со мною рядом без лишних слов. Я отвернулся к стене, чтобы не дышать на неё и, не дай Бог, не заразить. Жаннет прижалась к моей спине. Её ледяные ноги несмело коснулись моих, и я, как раскалённая печь, грел их, не смея пошевелиться. Мы оба замерли. Это было так волнительно, и в то же время прекрасно. Присутствие живой души рядом успокоило мои нервы, и я постепенно начал погружаться в сон. Только на этот раз ничто меня больше не тревожило, словно Ангел-Хранитель укрыл своим белым крылом.

Страшно себе представить, что бы было, если б в комнату вошли и застали нас вот так, лежащих в одной постели!.. К счастью, этого не случилось. Когда я проснулся ранним утром, её уже не было рядом.

Может померещилось всё? Вроде бы нет. Точно помню прикосновение её холодных ног... Эти сладостные ощущения долго не покидали меня, по телу растекалось тепло. Отчего-то нам теперь было неловко с Жаннет наедине, будто мы совершили нечто неподобающее. Ей было уже за тридцать, а мне всего шестнадцать лет. Что могло быть общего между нами? Моментами мне казалось, что влюблён в эту женщину за её доброту и милосердие, за то, что она не побоялась прижать к себе больного мальчишку.

Часть 2. Глава 9

Она никогда не была замужем, я не буду женат... И всё же, вынужденные находиться рядом, мы испытывали какие-то волны притяжения, не поддающиеся рассудку, но имевшие место быть.

Я в эти дни часто вспоминал Лорана, его слова, что «все так живут, не будь дураком». От одних этих мыслей становилось гадко на душе, словно я выпачкался в грязи и готов замарать добрую женщину, посвятившую себя служению ближнему.

– Как у нас сегодня дела? – Жаннет прикоснулась к моему лбу. – Жар вроде бы спал, и это очень хорошо! Доктор обещал проведать Вас после обеда, Эдуард. У него сегодня прибавилось больных, в соседнюю комнату поместили Вашего друга Генриха, с теми же симптомами... Ума не приложу, как он мог заразиться, не имея с Вами в эти дни общения?

Я, исполненный чувством собственной вины, опустил глаза. Неужели через апельсин передалась болезнь? Я почистил его и передал Генриху...

– Жаль парня! Ему очень плохо?

– Он тоже в бреду, но с Вами вряд ли кто-то сравнится, молодой человек!.. А вот кашу придётся съесть, для выздоровления нужны силы!

Глотать ещё было больно, но опухлость сошла, и уже меньше беспокоит сухость во рту.

Когда Жаннет уходила, я по-мужски проводил её взглядом, на мгновение представив обнажённой.

«О горе мне! Как только излечусь, сразу же пойду на исповедь и признаюсь в своих грехах! Разве же можно думать такое про женщину сделавшую для меня столько добра?! Да ведь она в матери мне годится!..»

Но мысли, всё равно возвращались, и воображение рисовало яркие картины плотских желаний.

Ворочаясь на постели, я пытался молиться, но это плохо получалось, мысли путались в голове, и слова, которые я помнил наизусть до автоматизма, вдруг забывались, разбегаясь от меня в разные стороны, словно тараканы. Пришла пора искушений. Детство, прощай!..

После визита врача я решил проведать соседа, всё равно он уже болен, и я не смогу ему навредить. В палате светло, на столике возле кровати пузырьки с лекарствами и пахнет хлоркой.

У больного лихорадка, беспокойный сон. И вдруг я слышу своё имя. Подхожу, сажусь на табурет рядом, беру его за руку.

– Я здесь, ты звал меня?

Бубнит что-то невнятное и ворочается.

– Может воды? – увидев, как он облизывает потрескавшиеся губы, предлагаю я.

У парня явные кошмары в голове, так же было и со мною.

– Эд... – а дальше не разобрать, – послушай...

– Да, я весь внимание, чем могу тебе помочь?

– Открой окно, мне душно.

– Но там же ветер, холодный ветер, а ты весь в поту...

– Пусть, лучше умереть, чем всё время думать о... – он не договорил, снова закрыв глаза.

– Э, нет! Не говори так. Ты обязательно поправишься, и всё будет хорошо.

Он вздохнул. Я поднёс ему воды, но Генрих и глотка не сделал, лишь помочил губы.

Рука его крепко сжала мою ладонь.

– Приходи, мне с тобою легче.

Кажется, заснул. Веки слегка подрагивают, что-то уже привиделось.

«Дай Бог тебе скорейшего выздоровления!» – помолился я и, освободив руку, поставил стакан на стол. Шаги Жаннет побудили скорее скрыться в своей палате. Мне не хотелось её расстраивать своим непослушанием.

Эту ночь сестра милосердия провела в соседней палате, время от времени я слышал голос Генриха, и его сухой кашель. Кажется, я даже ревновал, что она там и совсем забыла обо мне. Первые чувства казались такими настоящими... Но всё проходит. Вскоре я приступил к учёбе. Через неделю оправился и Генрих. Ему тоже крепко досталось и он выглядел повзрослевшим, ещё более худым и как будто слегка не в себе... Может быть, и ему во время лихорадки что-то привиделось?..

Уже стал забывать про Эделину, как она вновь напомнила о себе, лишив меня сна в полнолуние. За окном было так светло, что можно было, не зажигая светильника, читать. А мне опять примерещилась огненная Дива.

«Ты больше не сердись?»

«Если вновь не обзовёшь меня „помутнением рассудка“, – она засмеялась. – Я к тебе с подарком, Эдуард, закрой глаза...»

Я погрузился в сон и внезапно очутился в какой-то необычной комнате наполненной всякими странными вещами. В руках книга, и на ней написано: мистический роман «Возвращение». Имя автора, увы, не запомнил, но почему-то мне казалось, что это моя книга, и я пишу её сейчас, сегодня, в эту минуту, каждый день своей жизни...

Часть 2. Глава 10

Война закончилась, Франция вновь вошла клуб великих держав, с ней стали считаться. Правительство Тьера имело авторитет и поддержку. Во внутренней политике первый президент Третьей республики по-прежнему придерживался монархических и клерикальных взглядов. Опять заработали все семинарии и приходские школы. Принеся в жертву реки крови коммунаров, страна приходила в себя после потрясения...

Очередной учебный год успешно завершён, экзамены сданы. Вполне комфортно ощущая себя в среде будущих духовников, я стремился ко внутренней сосредоточенности и преданности своему призванию: воспитывал силу воли и придерживался аскетизма.

На время летних каникул доктор Милер пригласил меня к себе. После войны он с семьёй переехал в Ниццу. Я надеялся также увидеть отца и, если найду в себе силы, посетить хоть ненадолго Гатьер.

Цокот копыт и грохот колёс, проезжающих по брусчатке экипажей, сливается в общий монотонный шум. Запах моря пьянит и дурманит. Я вспомнил нашу с Мерлен поездку сюда и с трудом сдержал подступившие слёзы. Крёстной мне до сих пор не хватает...

Попросив извозчика остановиться, вышел на мостовую, судя по указанному в письме адресу, дом Милеров находился где-то неподалёку. К тому же, очень хотелось немного пройтись пешком, поразмыслить в спокойствии и уединении.

От палящего зноя лицо скрывает шляпа, но, в то же время, чёрный цвет семинарской одежды притягивает тепло. Присев на тенистую скамейку, я залюбовался чайками, кружащими над землёй.

Дамы прикрываются кружевными зонтиками, неспешно прогуливаясь по набережной. Детишки шумно играют на пляже, беспечные господа попивают чай, курят, читают газеты, провожают взглядами красивых туристок... Кого здесь только нет! Излюбленное место отдыха для обеспеченных господ из России, Германии, Австрии, Англии... Каких только фасонов платьев не увидишь! По одежде можно определить, откуда приехал человек, какими средствами располагает.

Торговцы на каждом углу предлагают товары на любой вкус. Прилавки ювелирных магазинов сверкают драгоценностями в витринах, модные бутики полнятся кружевом, тканями и мехами. С лотков продают прямо на улицах сладости, орехи, овощи и фрукты. Бедняки обменивают вещи, просят милостыню, пытаются заработать на хлеб, воруют... Каждому дано по возможностям в разноцветном и многоликом человеческом сообществе. Может быть, именно поэтому меня больше привлекает природа, одинаково щедрая для всех! Редкие облака плывут по синему небу так спокойно и неторопливо, плещутся лазоревые волны, ласково набегая на берег, сияет солнышко, веет лёгкий ветерок...

– Эдуард, это ты?!

В лысеющем и располневшем человеке я с трудом узнал своего отца.

– Бог мой! Вот это встреча! Ты стал настоящим мужчиной!.. Не верится, что это ты, сынок! – он обнял меня, и я почувствовал знакомый с детства запах рыбы, вина и канцелярской пыли.

– Ты тоже изменился, отец. Я собирался навестить тебя в ближайшие дни. Ты всё там же, на сортировочном складе Франсуа работаешь?

– А куда деваться-то? Родной человек всё же, не выгонит, кому я, старик, нужен теперь.

– Не прибедайся, не такой уж ты и старый, – про его новую семью я не решался спросить. – Где живёшь, бываешь ли дома?

– Мы с Розалией давно уже разошлись, сынок. Знаешь, совсем недавно сестра твоя Габриель вышла замуж за англичанина и уехала с мужем на туманный Альбион. А Николь всё нянчит детей Жанны, их уже пятеро. Ты бы заехал к ним, не держи на мать зла. Всё от нищеты нашей проклятой. Одну дырку затыкаешь, другая расползается, нет конца и края... Меня пригласили на свадьбу, что мог собрал, одалживал у знакомых, чтобы сделать молодым хороший подарок, – он перевёл дыхание и смахнул со лба капли пота, – да всё это не важно... Ты-то как?

– Хорошо, отец, учусь.

– Вот и правильно! Учись, не будешь так, как я, всю жизнь мыкаться. В церкви-то оно, куда приятнее... – он помахал перед лицом своим старой потрёпанной шляпой, как веером. – Жара мучает! У вас там, поди, попрохладней будет.

– По-всякому бывает, отец.

– Ладно, сынок, мне пора, я ещё не успел решить проблемы с нотариусом. Работа, понимаешь ли, надо бежать. Ты, если хочешь, заходи вечером, посидим где-нибудь после работы, пропустим стаканчик. На квартиру не зову, прости. Тесно у нас, самим места мало.

Вот и всё. Попрощались. Я смотрел ему вслед, в очередной раз ощутив полноту своего одиночества в этом мире. Ни на какой стаканчик, я, конечно же, не пошёл, осознав, что нам не о чем говорить с отцом. Зато Жорж принял меня, как родного. Но об этом несколько позже...

Часть 2. Глава 11

В доме Милеров царил порядок и почти стерильная чистота. Он поразил меня отсутствием лишних вещей. Вернее, было много всего, но каждая вещь находилась на своём месте. Мадам Милер всегда тщательно следила за тем, чтобы на лакированной мебели не было ни пыли, ни отпечатков. Поэтому Жорж сразу меня предупредил, ничего руками не трогать, особенно в гостиной. Но, несмотря на эту свою странность, Мари, была вполне гостеприимна и добра ко мне.

Знала ли она про Мерлен, и кем я для неё был, что связывает молодого семинариста и её мужа, неизвестно. Прекрасно воспитанная, аристократического происхождения женщина, никогда не показала мне какого-либо пренебрежения или антипатии, наоборот, она всячески пыталась сделать моё пребывание в доме приятным. Двое их старших детей уже разъехались по свету, в доме жила только младшая дочь Милеров – Констанс, прелестный ангел с кудрями цвета каштана, голубыми глазами и очаровательной улыбкой. Нежный цветок, возвращенный в любви своих прекрасных родителей. Немного избалованная, но славная и весёлая девушка. Я, видимо, показался ей пришельцем из другого мира. Впервые увидев меня, она подошла и, осмотрев со всех сторон, как скульптуру в музее, протянула свою изящную ручку для поцелуя. Когда я прикоснулся губами к её запястью, она расцвела.

– Очень приятно, Эдуард! Мы рады приветствовать Вас! Скажите, это правда, что мой отец однажды спас Вас от смерти?

– О, да, мадемуазель! Если бы не Ваш отец, я бы умер от внутреннего кровотечения!..

– Это очень хорошо, что Вы живы! – она кокетливо улыбнулась. – Скажите, а Вам обязательно носить облачение семинариста даже на отдыхе?

– Нет, не обязательно. Но я привык так одеваться, к тому же, это напоминает всем, что перед ними будущий духовник, а это обязывает, прежде всего нас самих, вести себя подобающим образом.

– Не будьте букой! У Вас ещё вся жизнь впереди, чтобы стать святошей! Я предлагаю Вам составить мне сегодня компанию на променад, но если Вы будете в таком виде, Эдуард, меня неправильно поймут мои знакомые, – она захихикала и, зацепив меня пышным платьем, упорхнула.

«Каникулы обещают быть весёлыми и непростыми...» – подумал я.

Спальня, которую мне выделила мадам Милер на третьем этаже – чердачное помещение, но хорошо приспособленное для жизни, один минус – здесь жарко. Нагретая за день крыша и ночью продолжает отдавать тепло. Но зато вид из небольшого окошка, выходящего прямо на набережную, просто великолепен. Возле стены железная кровать на пружинах с хорошим мягким матрасом, небольшой столик с лампой и маленький шкаф. На тумбочке старинные часы в виде двух, держащихся за руки ангелочков, под ними – кружевная салфетка с вышивкой. Уютно и хорошо. Что ещё нужно тому, кто привык жить в общей комнате? Оставшись наедине со своими мыслями, я машинально разделся. Чёрное плотное сукно, из которого пошита наша форма, хорошо сохраняет тепло в холода, но в жару просто невыносимо. На мне осталась лишь белая рубашка и чёрные штаны. Прилёг на кровать, чтобы вытянуть ноги после утомительного пути. В дверь постучали. Пришлось подняться. Мадам принесла полотенца и комплект одежды.

– Думаю, Вам с дороги будет приятно принять ванну, мсье, здесь есть всё необходимое. Вы примерно одного роста с нашим Жаном, он теперь живёт в Париже и редко нас навещает...

– Спасибо, у меня есть всё необходимое.

– Эдуард, я к Вам со всей душой, по-матерински. Не примите за дерзость, у Вас с собой всего несколько вещей, поберегите их для учёбы, мне приятно поделиться с Вами тем, чего

у нас в изобилии. Примерьте, мой мальчик, если одежда Вам подойдёт, я буду рада. Пойдёмте, я покажу Вам ванную комнату.

Проходя по коридору, встретились с Констанс. Она хитро мне улыбнулась, тряхнув завитыми локонами, и от чего-то рассмеялась. Её, видимо, забавляло моё появление. Мадам приструнила дочь строгим взглядом, так что красавицы и след простыл.

– Вот здесь мыло, тёплая вода уже налита. Думаю, Вы разберётесь, что к чему.

– Благодарю, мадам Милер, очень признателен Вам.

– Давайте отбросим эти ненужные условности, Эдуард, зовите меня просто: Мари. Жорж должен скоро закончить приём и вернуться, мы ждём Вас к ужину...

Она вышла, я закрыл дверь на щеколду и разделся. Просторная комната прямоугольной формы по размерам напоминала целую спальню. Огромное зеркало возле мраморного умывальника в бронзовом обрамлении играло изящными гранями по бокам, отбрасывая радужные лучи на узорчатый кафель. Здесь было много цветов, будто в зимнем саду, и очень-очень светло от застеклённой сверху крыши. Погрузив тело в тёплую воду с добавленными ароматными экстрактами, я посмотрел на небо. Никогда ничего подобного я ещё не испытывал. Нега, восторг и какой-то неземной покой охватили моё существо. Я пролежал не меньше получаса, пока вода совсем не остыла, и чуть было не заснул. Лишь когда стало холодно, быстро помылся и сполоснув себя чистой водой, вытерся мягким полотенцем, надушенным каким-то приятным парфюмом. На полочке возле зеркала находилось множество разноцветных бутылочек с маслами, кремами, экстрактами, солью и ещё Бог знает чем. Понюхав несколько флаконов, я поставил их на место и стал одеваться. Вещи пришлись впору, лёгкая ткань приятно прильнула к телу. Шёлковая рубашка и летние брюки, в жизни ничего подобного не носил. С трудом узнав в зеркале своё отражение, я подумал о том, что неплохо бы было посетить парикмахера.

В коридоре вновь столкнулся с Констанс, словно она никуда и не уходила, подкарауливая меня.

– Так гораздо лучше, молодой человек. Надеюсь, Вы по достоинству оценили нашу комнату для купания...

– О да, она прекрасна. Я ещё ничего подобного не видел! – искренне ответил я и слегка поклонившись, поднялся к себе, чтобы повесить одежду.

Встреча с Жоржем была радостной, я давно не испытывал такого искреннего родственного тепла...

За ужином, накрытым в большой гостиной, нам прислуживал лакей, что было для меня непривычно и я оробел поначалу.

После первых блюд с белым вином подали горячее. Такого рататуя я тоже раньше никогда не ел, он буквально таял во рту. Сдерживаясь, чтобы не показать чрезмерного восхищения и аппетита, я медленно подносил вилку ко рту, пытаюсь подражать хозяевам дома, но если бы остался один, наверное облизал бы тарелку, честное слово!

Всё в этом доме было для меня словно сказка. Будто я попал в другой мир и, поэтому, чувствовал себя сконфуженно, недостойным всей этой роскоши и благ.

– Расскажите, Эдуард, как продвигается учёба, какие трудности вам пришлось пережить, ведь во время последней революции и гонений на церковь, не сладко, небось, пришлось...

– О, да, мсье Милер, какое-то время было очень тяжело. У нас открыли реабилитационный госпиталь для инвалидов войны, где мы все помогали, ну а после, когда Церковь отделили от государства, совсем туго стало. Сократили все расходы, как только могли. Многие, не выдержав, ушли из семинарии. Готовить, убирать, отапливать корпуса, всё приходилось самим, жили впроголодь, но, слава Богу, недолго...

Все присутствующие сочувственно замолчали.

– Но теперь всё более-менее благополучно, и забот поубавилось, – поспешил я всех успокоить и, меняя тему, спросил, – Вы расскажете мне про себя? Каково Вам пришлось в то кошмарное время?..

– Я обязательно расскажу, Эдуард, но не здесь, не за столом. Мы поговорим с тобой обо всём позже, – он печально вздохнул, седина покрывшая его голову, говорила о многом, непреходящая грусть в глазах и плотно сжатые губы... Хирургам многое приходится повидать на этом свете, особенно, во время войны.

Часть 2. Глава 12

В саду пахло мятой и цветами, ветер с моря остужал разгорячённые после ужина лица. На старом кедре проснулись канатные качели. Чуть поскрипывали на крышах флюгера. Почти все окна в доме были открыты настежь и поэтому, устроившись на веранде, мы говорили очень тихо. Жорж раскурил трубку и с наслаждением сделал несколько затяжек. Выдохнув тонкой струйкой дым, он продолжил рассказ:

– Было много ампутаций, немцы использовали винтовки Дрейзе, крупный калибр оставляет большие рваные раны... Стальные германские крупновские пушки достают до трёх с половиной километров. Не учли и хорошо развитую у них железную дорогу, по ней вовремя доставляли подкрепление, в отличие от нашей армии, не успевавшей заменять солдат и подвозить оружие. Такой резни я ещё не видел, Эдуард! Мы работали круглосуточно, но не успевали... Столько людей полегло. Ради чего? Бездарная, позорная война. Потом плен. Бунт в Париже... снова кровь. Я так устал за эти годы, – он потёр ладонями лицо, – иногда кажется, что с меня уже хватит, пора на покой.

Я тяжело вздохнул, не зная, что сказать.

– Но не будем о грустном. В такой тёплый июльский вечер хочется думать о приятном. Знаешь, я часто её вспоминаю...

Мне не нужно было говорить, о ком. Мы понимали друг друга.

– Закрывая глаза перед сном, представляю, что она придёт ко мне во сне. И иногда так и случается... Если существует жизнь после смерти, Эдуард, мы обязательно встретимся, я чувствую это, – Жорж кивнул сам себе и мечтательно закрыл глаза. В лунном свете на его лице просияла блаженная улыбка. Откуда-то появился аромат лаванды, и я почувствовал лёгкое прикосновение Мерлен. Трубка в руке Жоржа погасла.

– Я любил её. Всегда. И не смог спасти. Не смог сделать счастливой. Кому ещё я могу сказать об этом, если не тебе?! – он приподнялся и посмотрел мне в глаза. С тех пор, как ты приехал, Эдуард, мне кажется, что она где-то рядом. Словно в тебе осталась частица её души. Боже мой, как Мерлен тебя обожала! Всё беспокоилась о своём мальчике, словно сама тебя родила... – его голос стал громче, на глаза навернулись слёзы, а вымученная улыбка только ещё больше подчёркивала его страдания.

– Тише, умоляю Вас, Жорж, нас могут услышать!

– Как трудно жить во лжи... – он громко выдохнул и взял себя в руки. – Тебя хорошо приняли? Надеюсь, никто не обидел?

– Всё прекрасно, ваша семья очень гостеприимная.

– Я рад. Смотри, осторожней с Констанс, она кому хочешь запудрит голову. Не то, чтобы я был против твоей кандидатуры в мужья, всё в точности наоборот, если бы я и желал кого-то видеть своим зятем и полюбить, как сына – то это был бы ты. Просто зная мою дочь, предвижу, что она захочет поиграть твоими чувствами... – он встал, похлопал меня по плечу и, пожелав доброй ночи, ушёл.

Когда стихли его шаги, я ещё немного постоял, наслаждаясь тихим приятным вечером. Звёзды как-то особенно ярко светят на тёмном небе побережья. Мелодично стрекочут в траве цикады, предвещая ещё один знойный день... Сердце томится в ожидании чего-то невозможного. Жорж счастлив уже тем, что познал истинную любовь, ему есть, что вспомнить, о ком вздохнуть украдкой. Мне же незнакомо это счастье. Холодные ноги Жаннет, однажды прижавшиеся ко мне, несколько лет будоражили во мне сладостный трепет. Но я не настолько наивен, чтобы принять это чувство за любовь. Грешно даже думать об этом!

Тихо пробираясь по спящему дому, я пытался идти, как можно более бесшумно, пока не наткнулся на кого-то в проёме двери.

– Ой! – раздался женский голос, тихо, но возмущённо, – Вы отдавили мне ногу!
– Простите, я плохо ориентируюсь в темноте, – прошептал я.
– И почему же, Эдуард, позвольте узнать, Вам не спится?!
– Тот же самый вопрос я мог бы задать и Вам, Констанс.
– Я просто захотела пить. Ночь душная, а прислуга забыла наполнить мой графин водою.
– Не оправдывайтесь, Вам это не идёт.
– Что Вы говорите?! – в её шёпоте появились знакомые нотки сарказма.
– Ещё раз простите меня за доставленное неудобство, прекрасная мадемуазель! Доброй ночи!

– И Вам, мсье семинарист, желаю того же! – фыркнув, она отошла чуть в сторону, но при этом, не освободив мне прохода, и я был вынужден, тесно к ней прижавшись, протиснуться бочком.

Я даже улыбнулся, вспомнив предупреждение Жоржа...

Часть 3. Глава 1

Шорох волн, набегающих на берег и сползающих обратно в море, успокаивал. Чайки не могли поделить украденный где-то крупный кусок багета, с отчаянным криком отбирая его друг у друга. Моя спутница сегодня была необыкновенно молчалива, кажется, по ночам её мучает бессонница. Уже несколько недель мы провели под одной крышей, и кажется даже начали понимать друг друга. Но что-то в ней изменилось, и затаившаяся в глазах печаль настаивает на меня. Под белым кружевным зонтиком Констанс прячет от солнца лицо, от того она бледна, как это и принято у аристократок. С её небесно-голубым платьем заигрывает ветер, воланы так и играют, волшебное зрелище. Завитые локоны спускаются до плеч, при ходьбе словно поглаживая их.

Мне хотелось бы хоть раз прикоснуться к этой матовой коже, вдохнуть аромат, который она источает... Но я не имею на это никакого права. Более того, сама мысль об этом греховна.

– Сегодня хорошо, не правда ли?! Приятный лёгкий ветерок веет, не то, что было вчера, – она приподняла свой зонтик и заглянула в мои глаза.

– Да, Констанс, я с Вами совершенно согласен, сегодня даже не хочется уходить.

– Нас никто и не торопит, до ужина ещё далеко, можем ходить хоть до вечера...

– Вы не устали?

– Нисколечко.

Она остановилась, оперевшись на железную перекладину ограждения, устремила свой взгляд вдаль.

– Видите, там далеко одинокий парусник качается на волнах. Я бы очень хотела оказаться там вместе с Вами, Эдуард!

– Вам ещё не наскучило моё общество, мадемуазель?

– Представьте себе, нет! Хоть Вы и зануда, несносный молчун, и... – она не нашла чего добавить, так и замерла с открытым ртом, увидев мою улыбку.

Когда эта девушка делала вид, что злится, мне было легче выносить её взгляды, чем видеть глаза, наполненные нежной грустью.

– Ах, вот даже так Вы обо мне думаете?! – смех разобрал меня от её растерянности, зардевшейся на щеках в эту минуту.

Она топнула ногой, словно ребёнок, которому не дают понравившуюся игрушку.

– Мне иногда так хочется Вас ударить, что я с трудом сдерживаюсь, – сказала она, чуть нахмурясь.

– В этом я могу Вам уступить. Ударьте, если очень хочется!

Она легонько стукнула меня в грудь. Я поймал её руку, наши глаза встретились. Кулачок разжался, и ладонь ласково легла возле моего сердца.

– Почему Вы молчите, Эдуард?!

– Что я могу сказать? Вы и я, мы оба знаем...

Она выдернула руку и пошла вперёд, ускорив шаг.

Эта мука для нас обоих продолжалась изо дня в день. Я с трудом подавлял желание поцеловать Констанс, она придумывала всё более и более изощрённые способы приблизиться. Нас манило друг к другу, как магнитом. Молодость, красота, жаркий южный климат, роскошная жизнь, ничегонеделание, мир полный ярких красок и искушений... Всё это открылось для меня в Ницце во время пребывания в доме Милеров. Я мог бы стать частью всего этого... Но слово, данное крёстной, и ещё что-то, не до конца осознанное мной, не позволяло.

– Вот Вы скоро уедете, Эдуард, в свою одинокую обитель, – она повернулась, словно собравшись с силами, – и Вам в Вашей семинарии даже будет нечего вспомнить!

– Ну, обитель моя, прямо скажем, густозаселённая, как в казарме, – я улыбнулся, – а вспоминать я буду Вас, прелестное создание, Ваш голос и умение так неповторимо-красиво злиться на меня.

– Вы, правда, будете думать обо мне?!

– А как иначе?! В моих молитвах Вы останетесь теперь навсегда, Констанс!

– В молитвах... Как же это всё печально, Эдуард!

– Не нужно грустить, драгоценная моя, Вы ещё встретите своё счастье.

– А может быть, оно уже совсем рядом, только никак не догадывается об этом?!

Я посмотрел на небо, откуда-то с моря надуло тяжёлые облака.

– Кажется, что погода меняется, и нам лучше поспешить домой, пока мы не попали под дождь.

– Вы совсем не слышите меня! – она надула губы и, став похожей на капризную девочку, остановилась.

– Я прекрасно Вас слышу, Констанс, просто не могу ответить.

– Не будьте бесчувственным болваном, Вы ещё не дали обет безбрачия! – она приблизилась ко мне так, что я ощутил кожей её дыхание. – Неужели Вам неинтересно, от чего Вы отказываетесь, Эдуард?!

– Вы слышите себя, Констанс? То, что Вы говорите – ужасно. Я бы никогда и думать не посмел воспользоваться гостеприимством Ваших родителей, чтобы опорочить их дочь.

Она пальцами закрыла мне рот.

– Молчите... Умоляю Вас, молчите! Вы благородный, я знаю. Но как же мне быть, если я перестала спать по ночам, и каждый мой вздох повторяет Ваше имя?!

– Я не знаю...

Её губы потянулись ко мне, в этот момент прогремел гром.

Тяжёлые, крупные капли ударили по мостовой. Констанс не на шутку испугалась и ещё больше побледнела:

– Вас охраняет сам Бог?!

– Похоже, что Он ревнив. Идёмте же! Нам нужно бежать, покуда мы не промокли до нитки!

Зонтик немного прикрывал её, но кружево быстро намокло, и струйки воды бежали по рукам. Прохожие бросились врассыпную, кто куда. Со скал бежала ручьями вода, постепенно превращаясь на улице в сплошную реку.

– Мои бедные туфли!.. – причитала Констанс.

– Были бы ноги целы! – я схватил её за руку, чтобы помочь бежать быстрее. Вновь раскат, молния сверкнула неподалёку, потому что даже загудела земля, и гром не заставил себя ждать.

– Давайте переждём под деревом!

– Ни в коем случае, туда чаще всего и попадают молнии.

Подбежав к ближайшему дому, мы спрятались под козырёк, моя спутница дрожала в намокшем платье. Я снял сюртук и накинул ей на плечи, чтобы согреть, она прижалась ко мне, прислонившись лицом к груди, обвила руками. Сердце гулко застучало, по телу пробежало тепло и сосредоточилось в животе, стало тяжело дышать, я тоже задрожал, но не от холода. Как же тяжело противостоять самому себе! Как же трудно, Господи!.. И вновь губы её так близко...

Пошёл град, сначала с горошину, а потом и ещё крупнее, поток сносил льдинки, пока они не таяли.

– Я бы всю жизнь вот так простояла!.. – Констанция отбросила зонтик в сторону, и его закрутило ветром. – Я люблю Вас, Эдуард!

У меня потемнело в глазах. Конечно, я догадывался, какие чувства питает ко мне эта девушка, но не думал, что она признается.

– Люблю с первой минуты Вашего появления в нашем доме! Неужели Вы не чувствуете, как стучат наши сердца? Эдуард, я на всё готова ради Вас. Только скажите, скажите, что тоже любите меня!

– Я не могу. Не имею права... Простите, меня Констанс!

Она вырвалась от меня, как птица из клетки и бросилась бежать по мокрой мостовой. Подняв её зонтик, я бросился вслед за ней, но уже не смог догнать.

Дома она заперлась в своей комнате и даже не спустилась к ужину. Мадам Милер не находила себе места и пыталась о том, что между нами произошло.

– Боюсь, что должен покинуть этот дом, Мари, моё пребывание здесь слишком болезненно для Вашей дочери.

– Может, всё-таки объясните, что случилось, молодой человек?! Вы чем-то обидели Констанс?

– Можно сказать и так. Я не смог ответить на её чувства. Простите меня!

– Оставьте парня в покое, – Жорж повысил тон, – одна не даёт ему прохода, другая устраивает допросы! Это невыносимо!

– Позвольте мне удалиться в комнату и побыть одному.

– Конечно, идите, Эдуард. Мне неловко, что всё так получилось, – мсьё Милер тяжело вздохнул, пытаясь обрести равновесие.

Мари обиженно отвернулась, ничего не ответив.

Откланявшись, я пожелал всем доброго вечера и ушёл. Повалился в спальне на кровать, обнял подушку, закрыл глаза. Думать ни о чём не хотелось. Слишком много разных чувств обуревали меня.

Одно было совершенно ясно, рано утром я должен уехать, чтобы разобраться в себе и привести душу в порядок, успокоится и принять правильное решение.

Часть 3. Глава 2

Но это был не конец моим испытаниям. Ночью, как кошка на мягких лапах, в мою комнату неожиданно явилась заплаканная Констанс. Из освещения – только лунный свет, проникавший в открытое окно серебристыми лучами. На ней кружевная рубашка до самого пола, длинные волосы распущены и волнистыми локонами спускаются до талии. Печальное личико со следами припухлости, обкусанные до крови губы.

– Умоляю, молчите!

– Если кто-то увидит Вас здесь!..

– Выслушайте меня, хоть раз не перебивая! Мама сказала, что Вы собрались уезжать, Эдуард, и всё это из-за меня... – она, не спрашивая разрешения, села на мою кровать, теребя в руках белый платочек, всхлипнула и, промокнув уголки глаз, продолжила, – я, наверное, веду себя как эгоистичный ребёнок. Это так... Конечно, Вы правы, и моё поведение глупо. Но я не хочу, чтобы Вы уезжали. Потому и пришла. Как представляю Вас на время каникул одинокого в интернате, жить не хочется, – она горше прежнего разревелась.

– Что Вы говорите, милая?! – я сел, пытаюсь её утешить.

Тонкая простыня сползла, обнажив голый торс. Спать приходилось полностью раздетым, иначе из-за жары невозможно было уснуть. Прошедшая гроза принесла прохладу, которая дала разгорячённому телу немного отдыха, но теперь мне вновь стало невыносимо жарко. Присутствие Констанс пугало, разжигая доселе дремавшие природные инстинкты.

Я вновь вспомнил Лорана. Тайные встречи в подвале и в саду с помощницей кухарки... «Ты что, наивный, думаешь у священников своей личной жизни не бывает? Жизнь одна, и у неё много своих радостей!..» – дьявольский смех прозвучал в моей голове. «Нет, я не такой. Я не опозорю дом моего покровителя. Не отплачу ему неблагодарностью...» – но тонкие ладошки Констанс уже коснулись моей кожи, и трепетные пальцы вызвали волну озноба.

– Обещайте мне, что не уедете! Умоляю, обещайте мне!.. – наши губы встретились, и я со всем жаром припал к ним, как к источнику спасения или смертному омуту, в этот момент мне уже было всё равно. Тело гудело, как натянутая пружина, готовая вот-вот сорваться.

– Констанс! Конни... Что же мы делаем?!.. – я молил о пощаде, но уже не мог остановиться, мои руки прикоснулись к упругой округлости её девичьей груди, – что же мы делаем?!

Рубашка сползла с обнажённых плеч. Пьянящий аромат молодого прекрасного женского тела проник в меня. Где-то глубоко в душе слабый голос ещё боролся, но разве можно остановить стихию? Я целовал её волосы, губы, шею, плечи, руки, припал к её груди... А дальше всё произошло так, как заложено в нас природой. Девушка, стиснув зубы, тихо вскрикнула, я понял, что причинил ей сильную боль, но она не оттолкнула меня, а ещё сильнее прижалась. Почти сразу нега разлилась по телу мучительным блаженством.

«Что же я наделал?!»

Констанс растворившись во мне, затихла. Я ещё испытывал экстаз, но уже начал понимать, что произошло. И этого не исправить. Все мои жизненные планы рушились, как картонный домик. Она отдала мне себя. Добилась-таки своего. Теперь назад пути нет и придётся ответить за всё.

– Я завтра же пойду к Жоржу, чтобы просить Вашей руки.

– Не вздумайте!

Её ответ поразил меня.

– Что же Вы говорите такое, Констанс? Разве может быть иначе?! Я не могу, не имею права поступить по-другому.

– Эдуард, Вы возненавидите меня, Вы уже жалеете о случившемся, я чувствую, а сердце не обманешь. Нет! Я не хочу надевать на Вас кандалы лишь потому, что мы поддались порыву

чувств, – у неё даже голос изменился, словно передо мной сидела взрослая, умудрённая опытом женщина. Она подняла с пола сорочку. – Не уезжайте. Позвольте мне ещё какое-то время побыть с Вами рядом. Всё устроится, вот увидите. Просто доверьтесь мне. Никто не должен узнать нашу маленькую тайну. Клянись, Эдуард!

– Я не люблю клясться.

– Во имя того, что было между нами, пообещайте, что никогда не расскажете об этом!

По её ноге протекла кровавая капля. Я увидел это и мне стало дурно.

– Клянись, что не предадите меня! – не унималась она.

– Констанс, Вы сами не понимаете, о чём просите...

– Я-то как раз понимаю, а вот Вам это совершенно ни к чему... – она оделась и поправила свои волосы. – Я ни о чём не жалею. Вы останетесь в моей памяти. Уже никто не сможет забрать у меня эту ночь. Благодарю Вас! – наши губы ещё на мгновение слились в поцелуе. Она так же тихо покинула мою комнату, как и вошла.

«Что это было? Почему она так повела себя? Что делать дальше?» – столько вопросов одновременно и ни одного ответа на них.

Я ещё долго метался по постели, пытаюсь найти верное решение, но так и не смог. Уже утром, когда солнце заполнило комнату своим горячим присутствием, я, весь мокрый, очнулся и, первое что сделал, отправился в ванную комнату. Вода вернула ясность мышления. «Может быть, это сон? Но нет, слишком явственно память кожи хранит жар любовных объятий, сладострастие грехопадения. Как поступить дальше? Как себя вести? Имею ли я право послушать Констанс и промолчать? Мне нужна исповедь! Нужен совет, иначе я сойду с ума... Прости меня, Господи, и помоги во всём разобраться. Я готов ответить за свой поступок, пусть будет воля Твоя!»

Когда я спустился вниз, в гостиную, где обычно в это время находилась семья, никого не застал, кроме горничной, убравшей с мебели пыль.

– Простите, мадемуазель, Вам не известно куда все подевались?

– Добрый день, мсьё! – она чуть заметно присела. – Мадам и её дочь отправились с утра за покупками, господин Милер отбыл по срочному вызову. Вам просили передать вот это, – она достала из кармана передника конверт с моим именем. Открыв заклеенное письмо дрожащими руками, я прочёл следующее:

«Мой милый Эдуард, всё, что произошло этой ночью, должно остаться между нами. Я не говорила о своём скором замужестве, потому что всецело была увлечена чувствами к Вам. В планы нашей семьи не входит что-либо менять, и я поступлю так, как было решено ранее. Меня ждёт завидная партия. Жених богат и хорош собой, одно плохо: мы не любим друг друга. Мне хотелось разделить именно с Вами самый важный момент в жизни женщины. Примите всё, как есть и не мучайте себя угрызениями совести. Мы провели прекрасную ночь, о которой будем помнить. Прошу, сожгите это письмо, как только его прочтёте. Не уезжайте! Я больше не потревожу Ваш покой, если Вы того не пожелаете. Любящая всем сердцем, Констанс.»

Часть 3. Глава 3

Прочёл письмо несколько раз, а потом сжёг в камине и пепел растеребил кочергой. На сердце образовалась зияющая рана. В пылу бушующих иллюзий мысленно представил себе другое будущее, будущее с Констанс, с нашими детьми, в кругу этой семьи... Было невыносимо сидеть дома и ждать их возвращения, уехать насовсем, не поговорив с нею, я тоже не мог, потому выбрал меньшее из зол. Оставил хозяевам дома записку, что уезжаю проведать родственников в Гатьер. Нужно было выиграть время, чтобы свыкнуться с этой болью, разобраться в собственных чувствах, решить, что нужно мне самому.

К тому же, я просто не знал, как смотреть в глаза Жоржу и Мари. В моём понимании сокрытая правда – тоже своего рода ложь, а я не привык лгать, значит, не сдержусь, и они сами всё поймут. Нужно время, только оно способно всё расставить по местам.

Наспех собравшись, я нанял экипаж и уже через несколько часов приехал в город своего детства. Смешанное чувство горя и радости в сердце. Как бы ни сложилась наша судьба, места, где ты вырос, навсегда останутся заповедными... Скорбь пережитых утрат не залечивают даже годы. Та, кого я так сильно любил, больше не улыбнётся мне при встрече, не погладит нежной ладонью по голове, не обнимет меня. От неё остался только холмик на городском кладбище с гранитным крестом и надписью: «Мерлен Берже 1829—1870». Я не был здесь три года, за это время мало что изменилось, разве только деревья стали ниже, люди ещё беднее, а мощёные улицы простоят ещё много веков и после нашей смерти.

В доме крёстной давно живут другие люди. Во дворе рядом со старым виноградником играет в тенёчке, сидя прямо на траве, какой-то незнакомый малыш. Наверное, теперь в его окно стучат, на ветру раскачиваясь, зелёные гроздья винограда, у которых под полупрозрачной кожурой в солнечных лучах видны семечки... Мама ребёнка развешивает во дворе только что постиранное бельё, на женщине белоснежный фартук поверх тёмного платья, волосы собраны в пучок на затылке и заколка, как у Мерлен...

Стало тяжело на это смотреть, и я отправился дальше по узким улочкам, до боли родным и знакомым, где когда-то за руку ходил с моей незабвенной крёстной в школу и из школы домой в нелюбимую серую комнату, чтобы схлопотать очередных тумачков от сестёр и постоять в углу на горохе, получив пару «ласковых» затрещин от матери.

За что? Да ни за что, просто так, потому что не вовремя родился и не помощницей, а несносным мальчишкой, которого, в конце концов, продали и совершенно забыли.

Постучал в дверь. Капустный запах ударил в нос, Николь, вытирая руки об кухонное полотенце, вытаращила на меня удивлённые глаза. Здесь тоже всё по-прежнему, только сестра уже совсем взрослая женщина, слегка располневшая и немного грубоватая.

– А, это ты?! Что приехал, братец?

– Здравствуй, Николь, вот, решил проведать...

– Ну да! Когда со своей покровительницей пировал и носа к нам не казывал! Да ладно, заходи, – она похлопала меня по плечу и улыбнулась. – А вымахал-то! Совсем мужчиной стал... Как вспомню твои острые, вечно ободранные коленки! – она засмеялась, я тоже улыбнулся, на сердце стало даже как-то немного теплей. – Давай, рассказывай, как живёшь там в твоей семинарии? Отец Даниель гордится тобой, часто вспоминает...

– Да у меня всё хорошо. Экзамены сдал, вот сейчас на каникулах, решил проехать по родным местам. Недавно видел отца...

Она как-то даже в лице изменилась.

– Матери только не говори. Прокляла она его на свадьбе Габриель и слышать не хочет про этого предателя. Он же приженился там, знаешь небось, детишек на старость лет ещё настругал... Ну да Бог с ним. Жили без него и дальше проживём. А тебе ещё долго учиться?

– Ещё два года бакалавриат и два магистратура.

– Магистром, значит, будешь! Того и гляди, сестрой самого кардинала сделаюсь! О заживём-то! – она рассмеялась.

Я отвык от такой речи, и грубые слова резали слух. Николь совсем мало училась и переняла все повадки нашей матери.

– Винца накапать?

– Нет, что ты, я не пью.

– Нельзя вам что ль? Так я никому не скажу. Не бойсь, братец!

– Нет, спасибо.

– Ну, как знаешь, а я вот себе накапаю. Скоро Жанна приведёт своих сорванцов, у них, видишь ли, семейная коммерция. Понарожали, а мне тут нянчиться! Раньше хоть свекровь её помогала, а теперь слегла совсем, говорят, кровоизлияние в мозг у ней. Не жилец, короче...

Она горько вздохнула и, осушив стакан с вином, мокрым полотенцем обтерла губы. Лицо покраснело, пот выступил на лбу.

– Ты бы хоть разбавляла водой...

– Не учи, как жить, лучше помоги! – она сняла с плиты кастрюлю с отварной картошкой.

Я помог слить воду.

– Хорошо, что ты зашёл, малой, – её глаза вдруг стали влажными, – мне тебя всегда жалко было, хоть и доставалось за твои проделки! Да вот как-то не сложилось у нас... – она уже не сдерживала слёз. – Прости ты нас, что вот так всё вышло-то.

– Я зла не держу. Молюсь за всех.

– Вот это очень хорошо! Молись за нас, родной, может, Бог и вспомнит о потерянных овцах своих, – Николь обняла меня. – Что вдруг я, глупая, расчувствовалась, ты садись, голодный небось! – она показала на стол.

– Нет, спасибо, я не хочу есть.

– А, ну-да, капусту ты не любишь, как же, помню. Может, тогда картошечки с пылу, с жару?

– Да, ты не беспокойся, сестра, я на самом деле не голоден. Воды бы выпил, жарко сегодня.

– Ну так присядь, я сейчас свеженькой с колодца достану. Она бросила на стол полотенце и побежала во двор.

Я присел на старый табурет и осмотрелся. Даже не верилось, что я когда-то здесь жил. Всё было знакомое, но какое-то совсем чужое, будто из другой жизни.

«А бывает ли она, та, другая жизнь?!»

В этот момент дверь открылась, и на пороге появилась мать с тазом, в котором лежали чьи-то грязные вещи, которые она брала постирать, подшить, подштопать. Увидев меня, она уронила свою ношу. Я бросился всё поднимать. Схватившись за сердце, Розалия опустилась на скамью, стоявшую рядом.

– Эдуард?! Вот кого не ожидала увидеть!..

– Да, это я. Простите, что не предупредил.

Вернулась Николь со студёной водой в ведре.

– Вот и мама! А у нас гость! Ты видишь, какой он стал, совсем уже взрослый мужчина!

– Да не тараторь ты без умолку!.. Чего приехал? Проблемы какие? – она стянула с головы платок и отёрла им лицо. Волосы стали совсем редкими и седыми.

– Нет, всё хорошо, просто захотелось вас увидеть, узнать, как живёте.

– Лучше всех живём! Видишь, в роскоши купаемся! Манну небесную ложками хлебаем. Ты, наверно, там в своей семинарии и грязи-то не нюхал! Хочешь вот, помоги портки постирать, здоровья-то у меня совсем не осталось...

– Вот возьму и помогу. Мне не привыкать, окровавленную одежду отстирывал за ранеными, утки выносил, что, с простой грязью не справлюсь?! – я схватил таз и пошёл на мойку.

Стирал среди женщин, они смеялись... Поделились со мной самодельным мылом. Смотрели, как на чудо невиданное. «Вот бы мне мужичка такого! Цены бы ему не было!..» Солнце припекало всё сильнее, все разбрелись по домам, постирав последние брюки, я смахнул с лица пот, а вместе с ним и подступившие слёзы. Обида разъедала душу. «Почему всё так в моей жизни, Господи? Почему неприкаянным хожу по этому свету?! Нет на земле уголка, где бы ждали меня и любили!»

Когда я вернулся с тазом, дома шумели ребятишки, мал-мала меньше. Показалось, что их так много! На самом деле – всего пятеро, просто они бегали друг за другом, смеялись и шумели. Увидев незнакомца, остановились и замерли с неммым вопросом на лицах. Поставив таз на кухонный стол, я ушёл, не прощаясь.

В Церкви было прохладно, красиво, чисто, свежо... Отец Даниель обнял меня от всей души, и на сердце полегчало.

– Эдуард, дорогой! Вот это радость! Как хорошо, что ты приехал! Давно от тебя не было вестей! Как вырос, как возмужал! Ну, рассказывай, как учёба? Что нового в твоей жизни произошло?..

Не откладывая на потом, я попросил исповеди и всё ему рассказал, как есть. Получив отпущение грехов, долго молился и во время молитвы понял, что вот он – мой дом. Дом Отца, где я всегда найду пристанище и покой, где живёт любовь, та, которая не умирает и не проходит.

Часть 3. Глава 4

За ужином, который разделил со мной отец Даниель, я узнал, что случилось за эти годы в приходе: кто умер, кто родился в нашем небольшом городке. За время революции коммунаров, когда Церковь подвергалась гонениям и священников лишили оклада, жители Гатьера отнеслись к своему приходскому отцу с милосердием и пониманием, помогали всем миром, кто не мог пожертвовать деньги, приносили еду...

– Знаешь, Эдуард, ещё никогда мы так хорошо не питались. Я испытываю такую благодарность к этим людям, ты себе и представить не можешь. Все перенесённые нами трудности ещё больше сплотили нас.

Мы сделали с ним ещё по глотку вина.

– А помнишь Пьера, ну, того самого, который тебя обидел в детстве. Он же в армию пошёл. Во время боёв ему оторвало ногу. Вернулся домой инвалидом, а после обнаружили гангрену... Через полгода умер в страшных муках. Да примет Бог его душу!

Мне стало не по себе. Ей-Богу, я никогда не желал ему зла.

– Царство ему небесное! Я не знал...

– Завтра, если ещё погостишь, сходим с тобой после утренней на кладбище, я тебе обо всех расскажу. Ты же не торопишься в Ниццу?

– О, нет. Я побуду, если ты не против... – мы общались на «ты», отец Даниель настоял на этом. Он считал, что теперь мы в духовном братстве, как родные, но на людях я по-прежнему обращался к нему в вежливой и уважительной форме.

– Завтра будешь со мной служить! Я так рад, Эдуард! Ты – первый из нашего прихода, кто будет священником, всё равно, что сын для меня! Моя гордость! – он снова меня обнял. – Приезжай почаще, я всегда счастлив принять тебя. После смерти Мерлен тебе, как я вижу, и пойти некуда. Матушка не приняла?

– Я бы и сам не остался...

Мы оба тяжело вздохнули, отец знал обо всём, что было.

– Не держи обиду, сынок. Она, как червь, изнутри нас гложет. Мать достойна прощения уже хотя бы за то, что подарила тебе жизнь.

– Не держу. Не нужен я им...

– Тебе это только кажется, уверяю.

Закончив скромную трапезу, мы разошлись по разным комнатам. В доме священника было как-то особенно светло, даже тёмной ночью. Из века в век это жилище переходило от одного клирика к другому. Сколько молитв здесь было прочитано?! Сколько выслушано просьб? От мысли об этом моё сердце наполнялось любовью и радостью быть сопричастным к Церкви. Это наш общий дом, тех, кто посвятил свою жизнь Богу. Меня наполняла благодарность, прежде всего к крёстной, которая наставила меня на путь истины, привела к вере, сделала возможным моё обучение.

Аромат лаванды со свежим дуновением ветра наполнил комнату через открытое окно.

Стрекотали цикады, мириады звёзд в тёмном небе поглядывали свысока. Закрыв глаза, я долго не мог уснуть. Помолившись за всех, кого я знал, и прочитав наизусть вечерние молитвы, я стал думать о том, как всё же прекрасна жизнь, какие она порою преподносит нам подарки. И даже в трудностях есть столько блага...

Присутствие потусторонней силы, к которому я уже с рождения привык, ощутилось лёгким ознобом. Огненная женщина вновь посетила меня.

«Интересно, что сказал бы отец Даниель, если бы узнал об Эделине? Завтра же я расскажу ему о ней.»

– Ты вспомнил обо мне, любимый!

Так необычно было слышать это слово, обращённое ко мне, никто кроме Мерлен не называл меня так в этой жизни.

– Ты здесь?! Как жаль, что я тебя не вижу.

Что-то светоносное появилось передо мной, и я зажмурил глаза от внезапно обуявшего страха.

– Просто ты ещё не готов созерцать бессмертную душу. Не я, а ты сам не позволяешь мне проявиться в полной мере.

– Хорошо. Я попробую, – усилием воли я заставил себя открыть глаза. – О, Боже, как она прекрасна! – вырвалось у меня неожиданное восхищение. Я ожидал увидеть огненный силуэт, как во снах, но наяву эта девушка была ещё прекрасней. На матовой бледной коже ярко выделялись каре-зелёные глаза, почти красные волосы опустились на плечи... Пышная грудь, упругий стан, всё это волшебное видение предстало передо мной во всей красоте, чуть прикрытое подобием полупрозрачного одеяния. Я потянул к ней руку и обжёгся.

– Осторожнее, не торопись. Боль скоро пройдёт.

– Ты всегда со мной?

– Когда нужна тебе, я рядом.

– Как это возможно?

– Мы связаны...

– Ты, наверное, всё обо мне знаешь?

Она загадочно улыбнулась:

– Знаю, каким ты был в прошлых жизнях, и до сих пор люблю...

– Есть за что?

Она задумчиво прикрыла глаза, словно уносясь мыслями в прошлое.

– Я что-то помню, но это ужасно... немудрено, что хотелось скорее всё забыть. Неужели, на самом деле, я кого-то убил?

– Ты отомстил за мою смерть, за проклятье, за то, что они сделали с нашим ребёнком.

– У нас был ребёнок?

– Я ждала его... Но зачем тебе это теперь? Не терзай себя понапрасну. Что было, то прошло.

– Ничего не проходит бесследно.

– Долгими страданиями многое искуплено, Эрнесто.

– Как? Как ты меня назвала?..

В дверь постучали.

– Ты не спишь, Эдуард?

– Нет, не сплю, заходи!

Отец Даниель вошёл в длинном вечернем халате, из-под него чуть виднелись пижамные штаны, в руках зажжённая керосиновая лампа.

– Что-то не спится мне, прости, что потревожил, показалось, что ты с кем-то разговариваешь.

Ещё несколько минут назад, я хотел сам ему всё рассказать, а теперь вдруг оторопел.

– Можно? – он присел на краешек кровати и, тяжело вздохнув, посмотрел на меня печальными глазами.

– Иногда такая тоска нахлынет, что нет сил терпеть, у тебя такое бывает?

Чего угодно я ожидал услышать от отца Даниеля, но не этого.

– Наверное всем знакомо подобное чувство...

Он осмотрелся вокруг, словно ища кого-то и, не обнаружив, снова вздохнул.

– Не люблю ночь. Днём, пока ты занят, жизнь кипит, некогда думать о плохом. Ночью остаёшься один наедине со своими мыслями, чувствами и кошмарами. Если бы ты знал, какая

иногда мне снится мерзость, я вскакиваю в холодном поту и молюсь, покуда не наступит рассвет. Поэтому долго не могу уснуть и мучаюсь бессонницей.

– Может, поведав о своих кошмарах кому-то, тебе станет легче?

Он шумно выдохнул.

– Не буду же я тебе, на ночь глядя, рассказывать ужасы?

– Ну а почему бы и нет?! Я не из пугливых. – тихий смехок Эделины зазвучал в голове. –

Мы частенько с ребятами рассказываем друг другу страшные истории по ночам, у кого страшнее, тот и выиграл.

– Ну ладно, сам напророчился! – недолго поразмыслив, он признался: – Кажется, что это средние века, во всяком случае, очень похоже на это время. Я беден, всё время хочется есть. Венеция. Сыро и холодно, от воды воняет стоками нечистот. Ищу убежища и некуда укрыться. Дом наш сгорел, родителей нет, их сгубила чума. Много-много людей тогда погибло от этой страшной напасти. Мне лет четырнадцать – шестнадцать, на теле какие-то обноски, ищу ночлег. Стучусь в дома. Не открывает никто и хлеба куска не даст, гонят, как прокажённого. И вот какие-то люди всё-таки соглашаются впустить меня с условием, что я отработаю свой хлеб. Счастью моему нет предела, я готов на любую, даже самую грязную работу. Хозяин даёт мне краюшку чёрствой пшеничной лепёшки и похлёбку. Набив своё чрево, я засыпаю счастливым. А утром, только запели петухи, меня растолкали идти работать. Выгребаю навозную жижу, от вони в глазах режет, свиньи, того и гляди, норовят тяпнуть за ногу, но это полбеды, самое страшное начинается потом. Даже не знаю, как тебе сказать... – он замолчал, посмотрел на меня, словно решая, достаточно ли я взрослый для такого, – окатив меня ведром воды, хозяйка тащит меня на сеновал... Она сама жирная, как те свиньи, и от неё пахнет ничуть не лучше, но я вновь и вновь вынужден удовлетворять её прихоти, иначе снова голод...

Он замолчал, и я почувствовал, что меня замутило, как только представил всё это.

– Иногда проснусь и хоть в петлю лезь, чувствую себя грязным, отвратным, ни на что не годным. Только молитвы и спасают... И что самое страшное, вновь и вновь вижу этот же самый сон, а бывает ещё похлеще, но об этом я уже точно не могу тебе рассказать. Страшно спать, понимаешь, – он посмотрел в окно, – откуда вся это нечисть лезет в голову? Ведь ни разу женщины не знал...

Что тут скажешь? Может быть, Эделина поможет?

Часть 3. Глава 5

Когда Даниель ушёл, я вновь обратился к огненной душе.

– Эделина, может, ты знаешь, что с ним?

– Старые язвы медленно лечатся, Эдуард. Что могла, я сделала для него, остальное придётся пережить ему самому.

– Вы были знакомы?

– Не при жизни. Ты познакомил нас позже.

– Не при жизни... Подожди, что ты имеешь в виду?

– Он узнал меня, когда я была уже духом.

– Ничего не понимаю, – я потряс головой, будто это что-то могло прояснить.

– Однажды, когда твой лучший друг умирал у тебя на руках, ты умолял спасти его. И я исполнила твою просьбу, приггла ему глубокую рану. Благодаря этому он выжил. Но мы совершили оплошность, не подумав о том, что моя сила, войдя в него, останется там навсегда.

– Что это значит?

– Он стал, как одержимый, нуждаться во мне. Да, да, и не смотри так! Тебе пришлось делить с ним мою любовь.

– Я совершенно запутался. Даниель был когда-то моим лучшим другом?

– О, да! Вы были не разлей вода и вечно спасали друг друга. Он отдал тебе всё, даже собственную жизнь, и пришёл за тобой в час смерти. Ничего подобного я ещё не встречала, – её сияние изменилось и стало почти голубым. – Видимо, там, куда мне нет доступа, вы договорились вновь быть рядом. Ведь, по сути, благодаря ему и Мерлен ты встал на путь духовенства.

– Он видит тебя?

– Нет. Но что-то чувствует... Я не повторю дважды одну ошибку, Эдуард. Даниель не должен знать обо мне. Если ты не желаешь окончательно лишиться его покоя.

– А Мерлен? Кем была для меня Мерлен, или мы впервые встретились в этой жизни?

– Ага, и она сразу полюбила тебя с первого вздоха?! Конечно, нет. Ты здесь, чтобы искупить обещанное за неё, вот и она не могла не помочь тебе... Духовные связи прочнее любых других. Настоящая любовь не проходит, она продолжает жить сквозь время и пространство.

– Я любил Мерлен?

– Ты её боготворил, но не она была любовью твоей жизни, если ты об этом. И вообще, зачем так много знать? Просто живи. Жизнь всё расставит по местам.

– Могу я хотя бы попросить Даниеля молиться за тебя?

– Он молится за проклятые души. Не тревожь его, Эдуард, – она провела ладонью по моему лицу, окатив меня жаром. Глаза сами закрылись и я провалился куда-то, поглощённый глубоким сном.

Маковое поле показалось живым. Каждый цветок обратил ко мне взор и тихо зазвенел, как маленький колокольчик. Всё оживилось и обрадовалось долгожданной встрече. Ничего подобного я и представить себе не мог. Всё, что окружало меня, было живым, я понимал и чувствовал это, словно являясь неотъемлемой частью его. Всё здесь с огромной нежностью и щемящей тоскою говорило о любви. Я когда-то уже бывал здесь и ощущал себя вернувшимся в родные места. Солнца я не видел, но свет шёл отовсюду. Она была полновластной хозяйкой всего, и всё было ею. Как это объяснить человеческими словами, я не знаю, но там понимал. На Эделине красное одеяние, словно сотканное из лепестков этих маков.

– Богиня, почему тебя называют ведьмой? И как можешь ты быть проклята, если обитаешь в таком чудесном мире?

– Таким он становится благодаря моим чувствам к тебе, Эрнесто, – она опять назвала меня этим странным именем и протянула ко мне руку, но не прикоснулась. – Как же долго я тебя ждала! Целую вечность...

– Эдуард, просыпайся, нам пора на службу! – Даниель выглядел немного уставшим, но в глазах горел знакомый огонёк воодушевления. – Как я счастлив, что ты приехал и согласился погостить! Вот. Принёс тебе облачение, примерь!

Белая ряса прислужника подошла, как будто сшитая для меня.

– Как же я горжусь тобой, мой мальчик! Ты уже такой взрослый, совсем мужчина.

Я посмотрел на отца Даниеля другими глазами, пытаюсь представить, какими были наши отношения там, в далёком прошлом. Как свела нас судьба?.. Его сны про Венецию, неужели и я там жил? Сколько вопросов у меня ещё к Эделине! Сколько неразгаданных тайн...

Часть 3. Глава 6

Мне нравилось, как ведёт службы Даниель. Его неспешные, полные достоинства и внутреннего благородства движения, вдохновенные проповеди, чистый красивый голос, способный взять самые высокие и низкие ноты без фальши. Я наслаждался сакральным духом таинств и мне хотелось соответствовать им. С полувзгляда я понимал отца Даниеля, и служба прошла без единой запинки.

Уже в конце, во время Причастия, я заметил свою мать и Николь. Глаза сестры восторженно блестели, поймав мой взгляд, она так искренне и светло улыбнулась мне. Сердце зажала в тиски знакомая щемящая боль. Мать не удостоила меня взглядом, опустив голову, она молилась. На её лице отражались переутомление, беспросветное разочарование и неудовлетворённость во всём. Стало искренне жаль эту сгорбившуюся, измученную женщину, с трудом верилось в то, что я появился из её чрева. Ничего, кроме жалости, не осталось в моей душе из воспоминаний о детстве. Я вдруг отчётливо понял, что больше никогда не вернусь в Гатьер.

Сестра обняла меня после службы.

– Ты – молодец, братец, – она оставила поцелуй на моей щеке и добавила, – мы гордимся тобой!

Розалия тоже подошла ко мне и шершавой рукой провела по лицу, словно пытаясь запомнить мои черты. Наши глаза встретились, долгий молчаливый взгляд сказал о многом: она не просила прощения, нет, но осознавала свою ответственность за то, что произошло между нами.

– Ты будешь хорошим священником, Эдуард. Я не зря родила тебя на свет. Не забывай о нас, когда встанешь на ноги.

– Чем смогу, помогу.

– Вот и хорошо... – она развернулась и ушла шаркающей походкой, волоча ноги.

Николь оглянулась и ещё раз помахала рукой, заботливо придерживая мать. У меня на глазах появились слёзы. Даниель хлопнул по плечу, шепнув на ухо:

– Видишь, не всё так плохо, мой мальчик. Я же говорил, тебе только кажется!..

Прихожане пожимали руку своему кюре и желали доброго дня. Мелькали лица знакомые и не очень, некоторые здоровались со мной, но не все узнавали. Как же тяжело возвращаться в места, где ты родился и рос, уже не являясь частью этого маленького замкнутого мира. Подобно отрезанному ломтю, понимаешь: назад дороги нет.

На кладбище было жарко, солнце нещадно палило. Поля шляпы спасали лицо от прямых лучей, но чёрная ткань нагревалась так, что не было сил терпеть.

По лицу Даниеля тоже стекали ручейки пота, но он их словно не замечал.

– А вот здесь лежит Маргарита, не знаю, помнишь ты её или нет, кажется, вы были ровесниками, девушка умерла в прошлом году от пневмонии, – он горько вздохнул и перекрестился, – так мало ей Господь отмерил... Всем городом провожали, а сколько было цветов, ты бы знал, и плакали все, от мала до велика.

«Зачем он это всё рассказывает мне? – спрашивал я сам себя, стирая пот с лица, и тут же сам себе отвечал, – потому что все эти люди, живые и мёртвые, все мы – его семья. Даниель любит свою паству всем сердцем. Вот и каждая могилка дорога ему, потому что здесь лежат его духовные дети.»

– А тут покоится старик Жерар, ты не можешь его не помнить, вы жили по соседству.

– Как же, помню... Он вечно сидел на скамеечке и, кряхтя, наблюдал за мной, покачивая головой. Преставился значит, сердешный.

– Да, года три, как Господь его призвал. Вижу, ты устал, Эдуард. Давай подойдем к твоей крестной и отправимся отдыхать. Сегодня нужна сиеста. Солнце ядрёное, того и гляди, тепловой удар хватит.

На могиле Мерлен стояли свежие лилии. Странно, что в такую жару они всё ещё имели первозданный вид. Я положил букетик только начинающей зацветать лаванды. Горечь незаживающей потери наполнила душу.

– Здесь всегда свежие цветы... Даже не знаю, кто их носит, – Даниель снял шляпу и промокнул платком мокрый лоб. – Её любили так же сильно, как ненавидели. Однажды ко мне пришла женщина и буквально требовала изгнать Мерлен из города. Я не скажу тебе, кто она, чтобы ты не таил обиды. Обвиняла её в связи с дьяволом, якобы именно поэтому она имела такую власть над мужчинами. Прости, Эдуард. Я сказал лишнее.

– Нет. Я всё знаю. Говори...

– Как мне было объяснить ненавистнице, что любят Мерлен за нежность души, за свет, который от неё исходит... Кажется, никто не мог быть к ней равнодушен. Эта женщина надеялась всё вокруг добротой и любовью, – он замолчал, а я не мог говорить. – Есть люди, подобные солнцу! К ним тянутся замёрзшие сердцем, чтобы согреться. Таких людей очень мало на Земле, но они есть. И согревают наши души. Она была такой. Я верю, что Мерлен в раю. Не может быть иначе. Пойдем, мой дорогой. Нужно найти прохладу.

Погладив могильный крест рукой, я поплёлся вслед за ним, унося с собой все свои беды и радости.

Часть 3. Глава 7

Трудно было вернуться к Милерам. Вновь переступить порог дома, в котором я согрешил. Меня встретили тепло и радушно, как обычно, только Констанс была ещё более печальна, чем прежде.

«Если бы не связавшая меня клятва, я бы покался во всём, получил по заслугам и с позором покинул бы этот дом, потеряв доверие и покровительство Жоржа... Уехал бы в свою семинарию зализывать сердечные раны. Жениться нам всё равно никто не позволит. Как глуп и наивен я был, просто предполагая, что такое возможно! Кто я? Нищий человек, не имеющий за душой даже собственного угла. Женитьба забрала бы и моё образование. В лучшем случае, всё, что мне светило б после семинарии в миру – это приходская школа, мизерное жалование. Конечно, с моими-то мозгами я мог бы учиться дальше и стать кем угодно, к примеру, врачом. Но кто бы оплачивал это моё обучение? Вновь Жорж?! Кого устроит такая ситуация?» – эти мысли крутились в голове, как осиный рой.

Ужин был роскошен, огромное блюдо из морепродуктов, разные соусы и приправы для креветок, лангустов, омаров и морских пауков, устрицы с эшалотом и рыбный суп. Всё это называлось постным днём.

Мне трудно было есть, я не приучен так ловко управлять столовыми приборами, чтобы с изяществом вкушать подобную пищу.

– Эдуард, я тебя не узнаю, ты вернулся каким-то расстроенным из Гатье, что-то случилось? – Жорж внимательно посмотрел на меня.

– Нет. Всё, как обычно. Просто тяжело возвращаться туда, где тебя не ждут...

– Я понимаю... – Жорж тяжело вздохнул.

Мари уронила вилку. Прислуживающий за столом поднял её и заменил чистым прибором.

– Слава Богу, мы уехали из этого Богом забытого городка! То ли дело Ницца!

– Мне казалось, тебе было неплохо и в Гатьер... – Жорж посмотрел на свою жену поверх одетого на нос пенсне.

Мари явно не хотелось продолжать этот разговор.

– Конечно, рядом с тобой, дорогой супруг, я могу быть счастлива где угодно, но согласись, в Ницце совсем другая жизнь! Разве мы бы смогли найти для Констанс достойную партию в том захолустье?

Конни отодвинула тарелку.

– Благодарю, я сыта по горло! – она встала и ушла, даже не получив на то позволения.

– Кто-нибудь объяснит мне, что происходит сегодня? – Мари, возмущённая поведением дочери, посмотрела сначала на Жоржа, а затем на меня.

Я виновато опустил голову и почувствовал, как к лицу подступила кровь, щёки предательски запылали.

– Наша дочь не в духе, разве это впервые? – кажется, Жорж спас меня, когда отвлек взгляд мадам на себя.

– Видимо, я была недостаточно строга с детьми, раз они позволяют себе подобные выходки. Теперь и у меня пропал аппетит, – она встала из-за стола, демонстративно придвинула стул, так что он неприятно заскрипел по полу, и, высоко подняв голову, удалилась в свои покои.

Жорж со спокойным выражением лица продолжил трапезу. Я остался с ним. Меня с детства приучили присутствовать, даже когда отказываешься есть.

– Ты был на кладбище?

– Да, конечно, – я понял, что именно его интересует, – на могиле крестной лежат свежие лилии, кто-то приносит их каждый день.

– Вот и хорошо. Это самое малое, что я мог для неё сделать. А ещё... у меня остаёшься ты. Я проглотил подступивший к горлу ком.

– Я... так виноват...

– Молчи, Эдуард. Мне всё известно.

Мои брови поползали от изумления вверх.

«Он знает? Как это возможно? И я до сих пор не изгнан из этого дома?!»

– В ту ночь мне не спалось... Разве ты мог поступить иначе? – он вздохнул, продолжая не спеша разделять вилок мякоть крабовой клешни. – О, женщины!.. Порой мне кажется, мы созданы лишь для того, чтобы потакать их слабостям! – сделав глоток белого вина, он закатил глаза и, поставив бокал, промокнул губы салфеткой.

– Что теперь будет? – не выдержал я.

– Всё будет, как прежде, мой мальчик. Ты уедешь учиться, Констанс выйдет замуж за этого безмозглого сына банкира, и будет всю жизнь помнить нечаянное счастье настоящей любви. Так устроен этот фальшивый мир. Так устроены люди. Давай выйдем в сад, хочется свежего воздуха. Мы вместе поднялись и вышли из дома.

– Лаванда зацветает... – Жорж глубоко вдохнул воздух и шумно выдохнул, снял пенсне, потёр пальцами переносицу. – Мерлен так любила это время!..

– Да, я помню.

Мы оба ощутили, как нам её не хватает, каждый по-своему.

– Знаешь, Эдуард, чего я хочу? – он взял меня за руку и пристально посмотрел в глаза. Я, молча, помотал головой.

– Хочу, чтобы Констанс забеременела от тебя и родила мне внука. – Да, да! Ты не ослышался, и я не сошёл с ума, наоборот, ещё никогда не был так убеждён в правильности своего решения. Свадьба через месяц, ранние роды я сумею оправдать. Умоляю тебя, если Конни придёт вновь, не гони её.

– Но, Жорж! Разве такое возможно?!

– Скажи, тебе не хочется оставить свой след на этой земле?! Тебе не хочется однажды посмотреть в лицо своего сына или дочери?

– Но, как я смогу жить, зная, что где-то мой ребёнок воспитывается другим мужчиной?

– Лучше чтобы его вовсе не было? Чтобы не было никого? Ты дашь обет безбрачия, и, зная тебя, будешь верен своим обещаниям. А потом умрёшь, не оставив на земле потомков, унесёшь с собой в могилу то, чем наделил тебя Бог. Скажи мне, это хорошо? Нужна ли такая жертва Господу? А тебе самому? Всё это – человеческие предрассудки! Бог создал нас: мужчину и женщину, Он сказал: «Плодитесь и размножайтесь!»

Я промолчал, не ответив, находясь в полном смятении от услышанных слов.

– Уже поздно отказываться от свадьбы. Слишком многим мы обязаны этому семейству. Но Констанс полюбила тебя. Дай ей хотя бы каплю счастья напоследок – твоё дитя! – он смахнул слезу, пробежавшую по щеке. – Я был лишён этой возможности. Мерлен больше не могла родить. Ты – единственное, что было у неё... – его скорбь и тоска, вырвавшиеся наружу, поразили меня. – Твоё призвание, серьёзный подход к жизни, к вере, религии, обязанностям не дадут тебе другой возможности... Я, как отец, прошу тебя! У меня было время всё обдумать. Просто ненадолго забудь о том, кто ты. Побудь мужчиной, доверься природе. Я же вижу, ты тоже неравнодушен к моей дочери. Если Богу будет угодно осчастливить меня на старости лет, пусть это случится, сынок!

Часть 3. Глава 8

– Пусть это будет мой грех. Кто благословил, тот и ответит. Но не лишай меня надежды хоть как-то оправдать своё пребывание в этом мире без неё...

– Зачем же вы женились на Мари?

– Хм... – Жорж посмотрел на небо, и его глаза стали совсем тёмными, – долг, мой милый Эдуард, хуже любой удавки. Я платил по счетам моей семьи, как теперь платит Констанс. И я не в силах разорвать этот порочный круг. Отец Мари помог мне стать хирургом... Вся моя карьера построена на благотворительности этой семьи. Призвание порою дороже любых наших чувств. А после, в долговых кандалах, уже не уйти с проторенной дороги. У каждого – свой путь. И не нам решать, что можно изменить, а чего нельзя. Судьба написана там... – он поднял указательный палец вверх и многозначительно им покачал, – но осуществляем мы её сами. Ты – всё, что осталось от Мерлен, пусть даже и не кровно. Соедините нас! Констанс полюбила тебя... Это Божий знак, моё благословение.

Я долго не мог успокоиться после этого невероятного разговора, не уместившегося в моей голове, а когда объятия сна всё же унесли меня в иллюзорный мир, приснилось, что я гарцую на белом коне под окнами огромного замка. Всматриваюсь в окна, и еле заметное шевеление гардин происходит в покоях. Эта женщина для меня многое значит. Она – не моя, и никогда не будет моей, но я боготворю свою госпожу всем сердцем. Декорации меняются, и я уже в пещере, где-то рядом шумит прибой. Окровавленный платок старец берёт из моих рук. Дует на него, и ткань становится белой. Видение переносит меня в новый сюжет. Костёр на площади. Какой-то страшный человек, облачённый в церковную одежду, бросает в огонь свитки и книги. Я испытываю сильные душевные муки, такова цена спасения, заплаченная за меня господином. Кто он? Я вглядываюсь в черты человека, стоящего рядом. Его лицо мрачнее тучи, скулы крепко сжаты: горят бесценные сокровища, бережно собранные им для потомков. Он смотрит на огонь и всполохи отражаются в его тёмных глазах. Величественный профиль, гордо поднятый кверху, волевой подбородок... Я перед ним в неоплатном долгу. Кто он? Бог мой, это же Жорж!

Очнулся взмогший, словно меня окатили водою. За окнами ещё темно, все спят, слышно, как где-то вдали по мостовой проезжает одинокий экипаж, лошадь неспешно цокает копытами.

Что значит этот сон? Как сложить обрывки видений воедино? Я был там, – это точно. Я всё видел собственными глазами. Что это? Память о прошлой жизни или буйство фантазии? Хочу, чтобы Констанс пришла. Жажду прижаться к ней, вновь ощутить тонкий, изысканный аромат её кожи, я так одинок... Бесконечно одинок в этом мире. Мне не хватает любви. Сердце щемит от неизбывной тоски, столь древней и глубокой, что становится страшно... Констанс не пришла. Она не придёт. Зря Жорж надеется на это. Зачем ей подвергать себя опасности? Ради чего рисковать своим будущим? Бред! Всё неправильно, так не должно быть! Нельзя обманом достичь благих целей. Это ошибка. Роковая ошибка. Я скажу ему об этом. Нужно отказаться от безумной идеи! Как может кого-то соединить дитя, рожденное во грехе?..

Я пытался вновь заснуть, лишённый покоя. Огненный столб приближается. Нет, это не столб, это пламенная душа моей Эделины.

– Ты запутался и устал, я решила, что моему возлюбленному нужен отдых! Иди за мной, я помогу тебе во всём разобраться...

Когда я открыл глаза, уже наступило утро. За окном началось движение городской жизни, ежедневная суета. «Газеты, свежие новости! Покупайте!» – прокричал, проходя мимо, мальчик. Я подошёл к окну. Бакалейщик напротив поправляет лотки со свежими фруктами и овощами. Его юная дочь собирает очередному покупателю заказ. Бездомный пёс ищет хоть что-

нибудь съестное, его облезлые, тощие бока терзают блохи и он всё время чешется. Дворник, подметающий улицу, гонит его метлой. Собака, привыкшая к пинкам и угрозам, смотрит на него осуждающе и упрямо продолжает крутиться поблизости, с надеждой заглядывая в глаза прохожим. Море сегодня особенно лазурное, солнце играет лучами по волнам. Кружатся вечно голодные чайки в поисках пищи. Я уже начал привыкать к виду из этого окна, такому яркому и живописному. Пытаюсь вспомнить, что было там, с Эделиной... О чём мы говорили, но память словно укрыта до поры до времени белой пеленой. Просто спокойно стало на душе, и появилась уверенность в том, что всё происходящее с нами – не напрасно. Умываюсь студёной водой, причёсываю волосы. Надо бы непременно посетить цирюльника, волосы уже до неприличия длинные, под глазами тёмные круги – следствие переживаний.

Спускаюсь вниз, в доме суэта, прислуги наводят порядок. Все чем-то заняты. Мадам на кухне пробует у повара уже приготовленную выпечку.

– Вы припозднились сегодня, Эдуард!

– Добрый день, Мари!

– Добрый! Жорж просил Вас не беспокоить, он сказал, вы утомлены с дороги. А у нас прекрасная новость, скоро должен приехать жених Констанс с родителями на званый обед. Мы будем обсуждать предстоящую свадьбу.

– Позвольте мне удалиться и не участвовать, это ваши сугубо семейные дела, я буду чувствовать себя неловко.

– Эдуард! Вы – наш дорогой гость, ну какая же может быть неловкость? Жорж не простит мне Вашего отсутствия! – в её глазах мелькнул недобрый блеск. У меня появилось ощущение, что делает она это нарочно. Во всяком случае, Жорж никогда бы не настаивал на моём присутствии в подобном мероприятии, зная о наших чувствах.

– Вам очень понравится Доминик. Я думаю, вы найдёте много общего, – и снова глаза Мари стали недобрими, видимо, она что-то заподозрила после вчерашнего поведения Констанс за столом, решила продемонстрировать воочию существующее положение дел, а заодно даёт понять, где моё место. Уйти после её настойчивого предложения, значило бы обидеть хозяйку дома и укрепить её подозрения. Что ж, надеюсь, мне хватит терпения и выдержки. Но Констанс?..

Часть 3. Глава 9

Они приехали с небольшим опозданием. Пожилая пара в дорогих нарядах и их обожаемый сынок Доминик, видимо, младший из детей, последняя радость своих родителей. Молодой человек выглядел лощёным франтом, такие, наверное, нравятся девушкам. Одет он был по последней парижской моде: костюм тёмно-серого цвета, яркий жилет в чёрную полоску, вычурный шейный платок и высокая шляпа-цилиндр, аккуратная борода, слащавые тонкие усики, хитрый с прищуром взгляд. Он посмотрел на Констанс, как на лакомый кусочек, приготовленный для него на блюде с золотой каёмкой. По-щёгольски поцеловал своей невесте ручку, нарочно задержав в своей ладони её пальчики. Конни выглядела нездоровой. Нервный блеск в её глазах заставлял меня холодеть от нехороших предчувствий. Мы и словом не перемолвились с ней за всё это время. Она словно избегала меня, не удостоив даже взглядом. Я не настаивал на том, чтобы быть замеченным, зная, как тяжело ей в эти минуты.

Обменявшись любезностями с гостями, Мари представила меня, как протеже Жоржа.

– Молодой человек будущий медик? – мсьё взглянул на меня оценивающе через пенсне.

– Нет, Патрик, он семинарист.

– Как неосмотрительно, мсьё, в наш век становиться священником! Поверьте, революция была не последней! Народ Франции так привык восставать против тирании, что готов свергнуть любое правительство, будь оно хоть трижды благим и распрекрасным. Вера не входит в национальные интересы государства, и вскоре Церковь вновь будет подвержена гонениям, помяните моё слово! Пока не поздно – меняйте профессию!

Я его терпеливо выслушал и, слегка поклонившись, ответил:

– Благодарю Вас за совет, мсьё, но мой выбор сделан.

Стоило мне открыть рот, как Доминик окатил меня презрительным взглядом, сверху вниз, мол, чего с него взять... Констанс вздохнула, по ней пробежал озноб. Как её лихорадит, я знал: у самого всё дрожало и горело внутри.

– Ну что ж, «предупреждён, значит вооружён», кажется так говорят...

Его жена посмотрела на меня, словно разглядывая экзотическое насекомое.

Жоржа ещё не было. Я очень его ждал, чтобы испросить позволения покинуть это общество, но он, как назло, задерживался.

– Мой супруг сегодня на срочной операции и не сможет, к сожалению, присутствовать, – словно прочтя мои мысли, сказала Мари. – Поэтому прошу всех к столу!

Сервировка сегодня была особенно изысканной, фамильное серебро, начищенное до первоначального блеска, слепило глаза. Впрочем, как и бриллианты на дряблой шее мадам, частенько заглядывавшей на меня через стёкла позолоченного лорнета.

Жениха и невесту посадили рядом, они о чём-то тихо переговаривались между собой. Констанс переборолла свои чувства и, осмелев, влилась в игру, начав откровенно кокетничать с будущим супругом и строить ему глазки. И пусть это напускное веселье никого не могло обмануть, но больно ранило мне душу.

О каком аппетите могла идти речь, когда единственное, чего я хотел, это провалиться сквозь землю и исчезнуть?! «Почему я до сих пор не уехал? – задавая себе вновь один и тот же вопрос, не мог на него ответить. – Завтра же утром покину этот дом. Уеду, куда глаза глядят... лишь бы не видеть этой фальши. Как глуп я был, полагая, пусть даже на мгновение, что смогу стать частью этой семьи, этой жизни... Нет! У меня совсем другой путь, над которым они смеются и поглядывают свысока. Страшны ли мне гонения на Церковь? Почту за честь погибнуть, защищая свою веру!»

Мари оживлённо обсуждала подробности предстоящего празднества и венчания с будущими сватами. Уйдя в свои мысли, я старался не вникать, о чём идёт речь, не чувствовал

и вкуса подаваемых блюд. Всё вокруг потеряло смысл и какую-либо ценность. Как Жорж выживает в таких условиях, оставалось для меня загадкой.

Фальшивая радость Констанс удручала, я становился всё мрачнее и готов был при первой же возможности уйти, но, как это часто в жизни бывает в такие минуты, время безжалостно растягивается и становится невыносимо растянутым. К счастью, меня больше не трогали и ни о чём не спрашивали, будто место на котором я сижу – пусто.

После десерта Доминик пригласил свою будущую супругу прогуляться по набережной. Молодым людям негоже оставаться перед свадьбой наедине, поэтому меня вынудили сопровождать Констанс в этом променаде.

– Семинарист – всё равно, что подружка! – пошутила пожилая мадам, очень довольная остротой своего языка, неприятно ужалив меня.

И это я тоже стерпел, молча. Не знаю зачем, но всё же поплёлся за ними. Желание вырваться из этой золочёной клетки, и сбежать превозмогало все остальные.

Там, на воле бурлила жизнь. Чайки кружились над лазурными волнами, шум прибоя ласкал слух, несмотря на оживлённость городской жизни. Молодые шли впереди, я, как ненужное дополнение, следовал позади них, время от времени улавливая какие-то слова и фразы. Доминик шутил, не забывая при любой возможности прикоснуться к Констанс. Она несколько раз мимолётно оглянулась, словно проверяя, следую ли я за ними верным псом. Вспомнилась дворняга, крутившаяся утром по мостовой... Я остановился и, развернувшись в обратную сторону, быстрыми шагами пошёл прочь. До ночи блуждал по улицам Ниццы, толком не обращая внимания на то, где я нахожусь. Лишь когда стемнело и усталость дала о себе знать, я понял, что пора возвращаться. Поймав экипаж, я назвал извозчику адрес и вскоре задремал под мирное покачивание и цокот копыт.

– Господин, мы приехали!

Очнувшись, взглянул на знакомые окна. Больно кольнуло где-то под рёбрами. Рассчитавшись, отпустил экипаж и заставил себя открыть кованые ворота. В доме уже было тихо, но свет горел ещё в гостиной. Там я и застал Жоржа с газетой в руках.

– Слава Богу! Я уже начал беспокоиться, Эдуард! – он вскочил и крепко обнял меня. – Расскажи, что случилось?!

– Не беспокойтесь, Жорж, всё хорошо. Я не должен был без предупреждения... – не смог договорить, все слова куда-то разлетелись, как стая встревоженных воробьёв.

– Ты в порядке, мой мальчик? Тебя кто-то обидел?

– Нет. Всё хорошо... Но завтра утром я уеду. Простите ради Бога, Жорж, я ужасно устал и очень хочу спать.

Он посмотрел на меня с сочувствием и без лишних слов отпустил. Поднявшись наверх, я одетым лёг на кровать и, зарывшись лицом в подушку, неожиданно для себя, беззвучно зарыдал.

Часть 3. Глава 10

Когда стареющий серп луны заглянул в окно, кто-то очень тихо приоткрыл мою дверь. Я сделал вид, что сплю. Она зашла тихо, как кошка на мягких лапах, и присела на краешек кровати. Трепетными пальцами Констанс прикоснулась к моим волосам. Прижав лицо к подушке, я не пошевелился, давая ей последний шанс уйти.

– Прости меня, Эдуард! Я так виновата перед тобой! Сколько тебе пришлось выдержать сегодня... Пожалуйста, скажи хоть слово.

Мне не хотелось с ней говорить.

– Я понимаю, это чудовищно, тебе трудно принять то, что происходит... – она тихо заплакала.

Кто выдержит женские слёзы? Покажите мне такого человека! Не выдержал и я, повернулся и, сев на кровати, крепко прижал её к себе.

Конни, закрыв лицо ладонями, притихла. Плечи больше не вздрагивали, на ней была кружевная ночная сорочка из тончайшей ткани, волосы распущены, нежный цветочный аромат гвоздики с нотками вишни... даже не знаю, с чем ещё его можно сравнить. Она медленно повернулась и нашла мои губы. Глаза закрыты, мокрые ресницы подрагивают... Тонкие девичьи руки обвили мой стан.

– Я люблю тебя, только тебя, слышишь?

Ничего не ответил, моё тело больше мне не подчинялось, оно находилось в её руках, принадлежало ей. Снимая с меня рубашку, Констанс продолжала клясться в любви. Стало жарко... Безучастный месяц всё видел, наблюдая за нами. Ощущая её запах, нежную гладкую кожу, мягкие локоны волос, я чувствовал, как меня поглощает древний зов плоти.

В этот раз всё было несколько иначе. Я не спешил, не боялся, не робел, всё получалось само собой. Мужская сила придавала уверенности, я был нежен и ласков. Она таяла в моих руках, как мягкий воск свечи. Податливая, тихая, послушная, моя...

– Знаешь, чего я хочу сейчас больше всего на свете?

Молча пожал в ответ плечами.

– Твоего ребёнка! И обязательно мальчика, чтобы он, как две капли воды, был похож на тебя. Тогда я смогу любить его так же сильно.

– Тебе этого не простят.

– Я, хитра, сумею сыграть. Ты похож чем-то на моего отца. Разве плохо, что мальчик пошёл в деда?

– Ты так говоришь, словно, он уже есть.

– Подари мне его! Пожалуйста, любимый...

И я старался, как мог, как умел, как чувствовал. Это было похоже на сон, один из тех, что накрывает под утро с головой и уносит в заоблачные дали...

Всё кружилось, плыло перед глазами: её прелестные изгибы, холмы и впадинки, по ним хотелось плыть, как в море кораблю, преодолевая ветра сомнений и преграды законов, бесконечно, с полной отдачей, и неизбывной сладостью наслаждения...

Пик сияния. Взрыв... Звезда умирает, создавая новую реальность. В каждой клеточке тела – нега. Как прекрасно всё-таки жить! Свет. Тёплый свет наших чувств, такой естественный и живой.

Констанс улыбается, чуть приоткрыты губы, глаза влажные, но это уже совсем другие слёзы. Ей хорошо. Очень. Я чувствую, ощущаю, это наша общая атмосфера, мир, созданный нами.

Ноги сплетены, сердца бьются так быстро, и так легко. Вижу, как пульсирует на её шее кровеносная артерия и дотягиваюсь до неё губами, нежно целую шею, такую мраморно блед-

ную и красивую, как у греческих статуй. Не хочется расставаться, разрывать идиллию возникшую между нами. Но я знаю, что утром уеду, и говорю ей об этом.

– Так будет лучше для всех... Но мы ещё обязательно встретимся! Когда-нибудь... иначе я не смогу жить, слышишь? Ты недосыгаемый, как Бог и такой же близкий, это не возможно передать, объяснить словами...

Мне на грудь капают её слёзы. Она как амазонка, прекрасна в своей наготе, желанна и опасна для меня... Нас снова разрывают чувства и уносят порывы страсти, и кажется, что этому не будет конца. Ещё один взгляд, ещё поцелуй, соприкосновение тел...

– Ты будешь мне писать?!

– Нет. Письма погубят нас обоих.

– Тогда пиши папе. А я буду спрашивать его, как твои дела. Мне кажется, он понимает...

– Ему известно всё.

– Ты признался?!

– Нет, он сам сказал мне об этом. Жорж хочет, чтобы ты родила ему внука, нашего с тобой ребёнка.

– Папа так сильно привязан к тебе?! – она удивлена, поражена, шокирована.

– Он поможет. Доверься ему во всём. А больше никому, слышишь?!

– Не верю своим ушам. Отец всегда был таким правильным...

– Что мы знаем об этом?..

Её волосы щекочут мне лицо, я улыбаюсь, потому что счастлив.

– Ты ни разу не сказал мне о любви...

– И не скажу.

– Почему?

– Когда-нибудь ты поймёшь.

Она взглянула на часы с ангелочками.

– Скоро прислуга встанет... Так не хочется уходить! – Констанс тяжело вздохнула и крепче прежнего прижалась ко мне. – Мы совсем не спали этой ночью.

– Ничего, высплюсь в дороге.

– Вспоминай меня!

– Никогда не забуду. Буду молиться за тебя до конца моих дней.

Кто-то в доме проснулся, стали слышны шорохи.

– Пора бежать!

– Прощальный поцелуй!..

Наши уста в последний раз соединились.

– Я не выйду тебя провожать.

– Да. Так будет лучше. Отдыхай.

– Не могу надыхаться тобой, – она осыпала меня краткими поцелуями и, вскочив, быстро ушла, на ходу надевая рубашку. Дверь за нею захлопнулась.

Я ещё долго лежал в предрассветной мгле, прислушиваясь ко звукам пробуждающегося дома. Вещи собрать было нетрудно: то, что дала мне Мари я оставил, а почти вся моя одежда была на мне.

«Прощай, милая комната, где я был так несчастен и счастлив одновременно!..»

Часть 3. Глава 11

Дилижанс поскрипывает на ходу, под размеренный цокот копыт так хорошо думается. Раненое сердце болит. Рвутся нити, связавшие нас... Ещё помню аромат и нежность её красивого тела. Не хочу забывать. Храню в себе и лелею. А ведь нужно покаяться в содеянном. Признаться духовнику. Когда-то я осудил за этот же грех Лорана. Все помнят и знают об этом. Верно говорят, «не суди, да не судим будешь!»

«Во всём я грешен перед Тобой, Господи, и не достоин быть Тебе даже слугою. Прими меня, как блудного сына, растратившего Твои щедрые дары. Нет у меня другого пристанища и надежда моя только в Тебе. И да будет воля Твоя, Отец! Покарай меня, а Констанс прости. За всё прости её, Господи, и помоги во всём. Будь защитой и опорой! Я понесу свой крест вслед за Тобою, а Ты позаботься о ней, и о том, кто будет зреть в её чреве, если тебе угодно подарить ему жизнь...» – молитва моя продолжается, даже когда начинаю дремать.

Дорога длинная, утомительная, душно и хочется пить. Вспоминается прощение с Жоржем...

Мне кажется, он вовсе не спал в эту ночь. Когда я спустился с саквояжем вниз, он всё так же сидел в своём кресле и покуривал трубку. Глаза утомлённые, блестят.

– Уезжаешь?

– Да. Простите за всё, ради Бога.

– Это ты прости, Эдуард, – он поднялся и крепко обнял меня за плечи, – так хотелось бы назвать тебя сыном! Нашим сыном с Мерлен... Его глаза стали влажными, и я заметил, какие глубокие морщины появились у него возле глаз и на лбу. Сильные руки, спасшие меня когда-то жизнь, задрожали. Он всё ещё любит и страдает без неё...

Я спешил уйти, чтобы не встречаться с Мари, было бы непросто скрыть чувства, обуревавшие меня.

– Помогите Констанс! Если то, о чём Вы просили, исполнится, все надежды на Вас, Жорж.

– Не беспокойся. Я буду вечно благодарен и сделаю всё, что в моих силах. Напишу тебе, но письма не храни...

– Да, конечно.

– И пусть Бог бережёт тебя, мой мальчик! – мы ещё раз обнялись, и я, не оглядываясь, ушёл.

Как странно и непостижимо то, что случилось. Разве я мог бы себе представить нечто подобное, когда ехал гостить к Милерам?! Если бы кто-то рассказал мне подобную историю, я бы ни за что не поверил. Как причудлива порою жизнь, какие преподносит нам сюрпризы!

Закрываю глаза и вижу лицо Констанс. Она, наверное, сейчас крепко спит, а может быть и нет...

Девичья подушка вся в слезах, на лице красные пятна. Я вижу всё так ясно, словно мой дух переместился в её покои и находится рядом с нею...

– Что же в этом удивительного?

– А, это ты, Эделина. Снова твои штучки!.. Мне снится сон.

– Это тело твоё спит, а дух бодрствует, и для него нет преград и расстояний. Ты основательно всё подзабыл, мой дорогой! Пора тебя вновь обучать всему, – её громкий смех разлетелся по комнате, но лежащая на кровати Констанс не обращала на нас ни малейшего внимания, вытирая мокрым платком опухшие глаза.

«О, Эдуард! Зачем ты вообще приехал! Если бы я не знала тебя!.. Как больно, Господи, как страшно! Спаси и сохрани его в пути... Неужели я его больше никогда не увижу? Не почувствую прикосновения этих нежных рук, вкус его сладостных поцелуев, не увижу грустного блеска бездонных глаз...» – она произнесла это вслух и вновь погрузилась в себя.

– Хватит слушать этот влюблённый бред! – Эделина выдернула меня оттуда. – Не пройдёт и пару лет, как она будет вспоминать о тебе с улыбкой. Знахарка провела рукой по воздуху, словно вытирая стекло ладонью, и видение сменилось, стало очень светло, прохладно и тихо. Кажется, это келья какого-то средневекового монастыря... Смутные воспоминания встревожили моё сердце.

В этот момент дилижанс подскочил на каком-то препятствии, и я от резкого толчка очнулся. Всё никак не могу понять, сны это или явь, а возможно, я просто схожу с ума и не догадываюсь об этом? Даже если так, мне отчего-то дороги и приятны эти галлюцинации, они помогают переносить боль, отвлекают меня от реальных сегодняшних проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.